

Рик Риордан представляет

Ару Ша

и КОНЕЦ ВРЕМЁН

РОШАНИ ЧОКШИ

Рошани Чокши

Ару Ша и Конец Времен

Серия «Пандава», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43281087

Ару Ша и Конец Времен: [роман] / Рошани Чокши ; пер. с англ. Н.

Волковой: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-112424-3

Аннотация

Жизни двенадцатилетней Ару Ша вряд ли можно позавидовать: ее дом – Музей древнеиндийского искусства и культуры, мама чересчур увлечена археологическими путешествиями, а чтобы быть «своей» среди одноклассников, приходится приукрашивать действительность, примеряя на себя роль принцессы-парижанки с личным шофером. Все, что у нее есть – это экспонаты музея и таинственная лампа Бхарата, которую нельзя трогать ни при каких обстоятельствах. Но когда однажды на пороге Ару появляются трое учеников, чтобы уличить ее во лжи, выбора не остается. Выпустив из лампы самого настоящего бога разрушения, Ару Ша должна отправиться в Царство Мертвых и спасти близких. Тем более что ее почему-то называют героиней древней легенды «Махабхарата»...

Содержание

Вступление	5
Глава 1,	7
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	53
Глава 7	65
Глава 8	84
Глава 9	91
Глава 10	109
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Рошани Чокши

Ару Ша и Конец Времен

*Моим сёстрам: Нив, Виктории, Бисмах, Монике
и Шрайа.*

Нам нужна музыкальная тема.

Roshani Chokshi
Aru Shah and the End of Time

Печатается с разрешения с литературных агентств Sandra Dijkstra Literary Agency and Synopsis Literary Agency.

Copyright © by Roshani Chokshi, 2018.

Introction copyright

© 2018 by Rick Riordan.

First published by Disney Hyperion, an imprint of Disney Book Group.

© Волкова Н., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Вступление

Ару Ша взорвёт вам мозг

Вам доводилось читать книгу и думать: «*Ого, жаль, что не я это написал*»?

Для меня «*Ару Ша и Конец Времён*» – одна из таких книг. В ней всё как я люблю: юмор, действие, запоминающиеся герои и, конечно же, удивительная мифология! Но я не смог бы написать такую книгу. У меня просто нет такого гигантского опыта и «взгляда изнутри», чтобы рассказать о потрясающем мире индуистской мифологии, да к тому же сделать её такой увлекательной и интересной читателю.

К счастью для всех нас, Рошани Чокши сделала это.

Если вы до сих пор незнакомы с индуистской мифологией, то будете удивлены. Вы, наверное, думали, что Зевс, Арес и Аполлон – сумасброды? Подождите, и не такое узнаете о Ханумане и Урваши! Считаете Риптайд крутым оружием? Тогда сначала изучите все виды *священных астр*: булавы, мечи, луки, паутину, сплетённую из разрядов молнии. Не за-

будьте о топоре – он тоже понадобится! Вы раньше думали, что Медуза Горгона страшная? Да она даже в подмётки не годится *нагам или ракишам!*

Ару Ша – умная и своенравная ученица седьмого класса из Атланты, которая ввязывается в ужасную неразбериху, и её приключения взорвут ваш мозг в лучшем смысле этого слова!

Если же вы уже знакомы с индуистской мифологией, то с этой книжкой будто попадёте на увлекательный семейный праздник. Здесь вы встретите своих любимчиков: богов, демонов, монстров, злодеев и героев, будете взлетать в небеса и проваливаться в Иномирье. И неважно, как хорошо вы знаете мифы, спорю на пачку «твиззлерс»: тут и для вас найдётся кое-что новое.

В общем, вы догадались, в каком я восторге от книги и как мне хочется поскорее поделиться ею с вами? Да, я в восторге!

Так чего же мы медлим? Ару Ша уже заждалась вас в Музее искусства и культуры Древней Индии, где работает её мама. Начались осенние каникулы, и девочка абсолютно уверена, что её ждёт ещё один скучный день.

Ох, как же она ошибается!

Рик Риордан

Глава 1, в которой Ару жалеет, что открыла дверь

Когда растёшь в окружении опасных для жизни предметов, проблема в том, что рано или поздно привыкаешь к ним. Ару, сколько себя помнила, жила в Музее искусства и культуры Древней Индии и прекрасно понимала, что лампу, которая стояла в зале Богов, трогать нельзя.

Она говорила о «прóклятой лампе» так же, как какой-нибудь пират, приручивший морского монстра, сказал бы

невзначай: «А, вы о старине Ральфе?» Но, хоть она и воспринимала лампу как нечто само собой разумеющееся, зажигать её всё же не пыталась никогда. Это было против правил музея. А правила она повторяла каждую субботу, когда вела дневные экскурсии.

Кто-то не любит работать по выходным, но для Ару это было не в тягость.

Больше походило на церемонию, окутанную тайной.

Она надевала алую накрахмаленную жилетку с тремя пуговицами медового цвета и подражала маминому голосу музейного экскурсовода, а люди – и это была самая приятная для неё часть – всегда слушали, не спуская с неё глаз. Особенно когда она рассказывала про проклятую лампу.

Иногда ей казалось, что это самая увлекательная тема для обсуждения. Говорить о проклятой лампе было гораздо интереснее, чем, скажем, о посещении зубного врача. Хотя, возможно, кто-то возразит, что зубные врачи тоже прокляты.

Ару жила в музее так долго, что для неё тут совсем не осталось секретов. Она росла, читала и делала уроки под гигантским каменным слоном у входа; часто засыпала в музейном зале, а просыпалась в тот момент, когда трескучий голос из аудиогиды сообщал, что Индия получила независимость от Британии в 1947 году. А ещё она прятала конфетную записку в пасти статуи четырёхсотлетнего морского дракона (она звала его Стивом) в западном крыле музея. Ару знала абсолютно всё про каждый экспонат, кроме одного...

Лампа оставалась для неё загадкой.

– Вообще-то, это не совсем лампа, – сказала мама, почетный хранитель и археолог, доктор К. П. Ша, когда впервые показала ей эту вещицу. – Мы называем её *дийя*.

Ару помнила, как пришла к стеклу нос, рассматривая глиняный светильник. Как и все заколдованные предметы, лампа ничем не выделялась на фоне других экспонатов. По форме она напоминала сплюснутую хоккейную шайбу, а по её краю шли маленькие отметины, похожие на следы зубов.

И всё же, несмотря на её обыкновенность, даже статуи из зала Богов, казалось, отступали перед ней.

– Почему мы не можем её зажечь? – спрашивала у мамы Ару.

Мама избегала её взгляда.

– Иногда свет выставляет напоказ то, что лучше оставлять в темноте. К тому же никогда не угадаешь, что там увидишь.

И Ару просто смотрела. Смотрела на лампу всю свою жизнь.

Каждый день она возвращалась из школы, вешала портфель на хобот каменного слона и направлялась к залу Богов.

Это был самый популярный зал музея, уставленный статуями индуистских богов. Мать Ару выложила стены большими зеркалами до самого потолка, так что посетители могли видеть экспонаты со всех сторон. Зеркала были винтажными (слово, которым пользовалась Ару, когда выменивала у Бёртона Пратера два доллара и половинку батончика «твикс» на

старую позеленевшую монету в одно пенни). Свет, проникающий в зал Богов сквозь ветви высокой индийской сирени и старых вязов, растущих за окном, всегда казался немного приглушённым, как будто в комнате стояла дымка. Из-за этого казалось, что статуи увенчаны световыми коронами.

Ару часто стояла у входа, рассматривая свои любимые статуи: лорда Индру, повелителя небесного царства, вооружённого молнией; Кришну, играющего на флейте; Будду, сидящего в позе медитации, со сложенными ногами и прямой спиной, – но потом её взгляд непременно перекидывался на «дийю» в стеклянной витрине.

Она стояла там часами и ждала чего-то... что изменит её школьную жизнь, а может, позволит людям наконец заметить, что Ару Ша – не обычная семиклассница, изнывающая от скуки в средней школе, а совершенно необыкновенная личность.

Ару хотелось волшебства.

И каждый день она расстраивалась всё больше.

– Ну сделайте же что-нибудь, – шептала она статуям богов. Было утро понедельника, и Ару пока не сняла пижаму. – У вас полно времени, чтобы всё продумать, пока у меня каникулы.

Статуи не отвечали.

Ару пожала плечами и посмотрела в окно. Деревья в Атланте, штате Джорджия, ещё не осознали, что наступил октябрь. Только самые макушки приобрели красновато-золо-

той оттенков, будто кто-то быстро макнул их в ведро с пламенем, а потом сразу же швырнул на газон.

Как Ару и подозревала, день тянулся, и ничего не происходило. Ей, конечно, следовало насторожиться. Жизнь любит обманывать людей. Сначала она обещает вам, что день будет ярким и ленивым, потечёт подобно мёду, сползающему с края банки, но когда вы потеряете всякую бдительность...

Тут-то она и стукнет вас как следует.

За мгновение до того, как послышался входной звонок, мать Ару медленно скользила по их тесной двухкомнатной квартире, примыкавшей к музею. Похоже, она читала три книги одновременно и при этом разговаривала по телефону на каком-то языке, напоминающем хор крошечных колокольчиков. Ару же валялась, задрав ноги, на диване и швыряла в маму кусочками попкорна, стараясь привлечь её внимание.

– Скажи что-нибудь, мам, это будет означать, что ты сможешь отвести меня в кино.

Мама вежливо рассмеялась в трубку. Девочка нахмурилась.

Почему ОНА не умела так смеяться? Когда Ару смеялась, впечатление было такое, что она задыхается от нехватки воздуха.

– А сейчас ничего не говори, мама. И тогда мы сможем завести собаку, большую пиренейскую. И назовем её Беовуф!

Теперь мама кивала с закрытыми глазами, и это означало,

что она очень *внимательно* слушает, только не Ару.

– Ничего не говори, мам, и тогда я...

Дзы-ы-ынь!

Дзы-ы-ынь!

Дзы-ы-ынь!

Мама изогнула тонкую бровь и выразительно посмотрела на Ару. *Ты же в курсе, что делать?*

Конечно, она была в курсе. Просто совсем не хотела это делать.

Девочка скатилась с дивана и, изображая Человека-паука, проползла по полу в последней попытке привлечь мамино внимание. А это ведь совсем не простой трюк, учитывая, что весь пол завален книгами и чашками с остатками пряного чая. Она оглянулась и увидела, как мама что-то быстро царапает в записной книжке. Ссутулившись, Ару открыла дверь и направилась к лестнице.

Обычно утром по понедельникам в музее бывает тихо. Даже Шеррилин, начальник охраны музея и по совместительству вот уже много лет няня выходного дня Ару, не работала в понедельник. Во все остальные дни – за исключением воскресенья, когда музей был закрыт, – Ару помогала раздавать посетителям билеты-наклейки, провожала гостей к разным экспонатам и показывала, как пройти в туалет. Однажды у неё даже появилась возможность прикрикнуть на какого-то наглеца, трогавшего каменного слона, а ведь на статуе висела табличка: руками не прикасаться (по мнению Ару, это отно-

силось ко всем, кроме неё).

Она привыкла, что по понедельникам только случайные посетители искали в музее убежище от плохой погоды. Или же заходили люди, выражавшие беспокойство (правда, довольно добродушно), что в Музее искусства и культуры Древней Индии почитают дьявола. А порой просто забегал курьер за подписью о доставленной посылке.

И кого она никак не ожидала увидеть, когда открывала дверь для новых посетителей, так это трёх студентов дневной школы Августа. Ару испытала странное чувство: как будто она только что села в лифт, а он тут же остановился. При виде трёх подростков, уставившихся сверху вниз на её пижаму с изображением Человека-паука, живот свело судорогой от паники.

Первая, Поппи Лопес, стояла, скрестив на груди загорелые веснушчатые руки. Её каштановые волосы были убраны в пучок, какой носят балерины. Второй, Бёртон Пратер, вытянул руку вперед, а на его ладони лежала погнутая монета в одно пенни. Низенький и бледный, Бёртон в своей полосатой черно-белой рубашке и вовсе напоминал несчастного шмеля. Третьей в этой компании была Ариэль Редди – самая красивая девочка в классе, с тёмно-коричневой кожей и блестящими чёрными волосами. Да и сама она тоже как будто сверкала.

– Я так и думала, – победно сказала Поппи. – Ты же рассказала всем на уроке математики, что мама повезёт тебя на

каникулы во Францию!

«Ну да, мама обещала», – подумала Ару.

Как-то прошлым летом её мама лежала, свернувшись клубочком, на диване, уставшая после очередной командировки за границу. Перед тем как провалиться в сон, она вдру обняла Ару за плечи и сказала: «Может, осенью взять тебя с собой в Париж, Ару? Там есть кафе на берегу Сены, где можно увидеть, как звёзды выходят танцевать в ночном небе. Будем ходить с тобой по пекарням и музеям, пить кофе из крошечных чашечек и гулять часами в парках».

В ту ночь Ару не могла сомкнуть глаз: всё мечтала об узких извилистых улочках и таких фантастических садах, что даже цветы в них казались важными и горделивыми. Помня мамино обещание, Ару даже убралась в комнате и помыла посуду без напоминания. А в школе это обещание стало её оружием. У других учеников дневной школы Августа были виллы или на Мальдивах, или в Провансе, и они ныли, когда их яхты находились в ремонте. Обещание поехать в Париж на один крошечный шагок приблизило Ару к этим богатствам.

Сейчас девочка из последних сил старалась не съёжиться под пристальным взглядом голубых глаз Поппи.

– Маме поручили секретное задание от музея. И она не смогла взять меня с собой.

Частично это было правдой: мама никогда не брала её с собой в командировки.

Бёртон бросил на пол позеленевшую монету.

– Ты обманула меня! Я дал тебе два бакса!

– А у тебя *винтажная монета*... – начала было Ару.

Но Ариэль перебила её:

– Мы знаем, что ты врёшь, Ару Ша. Ты самая настоящая лгунья! И когда начнётся учеба, мы всем расскажем.

У Ару внутри всё сжалось. Когда месяц назад она только пришла в дневную школу Августа, у неё ещё были какие-то надежды. Но все они очень быстро испарились.

В отличие от других учеников, её не привозили к школе на чёрной блестящей машине. У неё не было дома на пляже, своей комнаты для занятий или застеклённой террасы. И она сама прекрасно понимала, что её спальня выглядит, скорее, как чулан, страдающий манией величия.

Зато Ару отличалась прекрасным воображением и всю жизнь только и делала, что фантазировала. Каждые выходные в ожидании мамы с работы она выдумывала историю, в которой та представлялась то шпионкой, то принцессой в изгнании, то колдуньей.

Мама жаловалась, что терпеть не может командировки, но они необходимы, чтобы держать музей на плаву. И то, что она забывала про некоторые вещи, например, про шахматный турнир, в котором участвовала дочь, или про уроки пения, так это не потому, что ей было наплевать на Ару – просто она разрывалась между мировыми войнами и искусством.

Так вот и получалось, что, когда Ару о чём-то спрашивали ребята в школе Августа, она тут же выдумывала историю. Она и себе самой всё время их рассказывала: про города, в которых никогда не бывала, про блюда, которые никогда не пробовала. Если она приходила в школу в смятых туфлях, то это, конечно, из-за того, что старые отправили ремонтировать в Италию. Она научилась мастерски, как все, изгибать бровь и намеренно неправильно произносить названия магазинов, где покупала одежду: французский «Тар-Жей» или немецкий «Вал-Махрт». Если это не срабатывало, она ухмылялась и говорила: «Вы просто не знаете этого бренда».

Так ей казалось, что она вписывается в компанию.

Какое-то время враньё срабатывало. Её даже пригласили провести неделю на озере вместе с Поппи и Ариэль. Но Ару сама всё разрушила, когда её поймали с поличным на парковке. Ариэль спросила, какое авто её. Девочка показала на одну из машин, и Ариэль поджала губы. «Забавно. Это автомобиль нашего водителя».

И сейчас она так же презрительно улыбалась, глядя на Ару.

– Ты говорила, у тебя есть слон, – сказала Поппи.

Ару сделала жест в сторону каменного слона.

– Да, есть!

– Ты утверждала, что его спасли и вывезли из Индии!

– Ну, мама сказала, он был эвакуирован из храма, так что, образно говоря, его и правда спасли.

– А ещё ты сказала, что у тебя есть заколдованная лампа, – сказала Ариэль.

Ару заметила красный огонек на телефоне Бёртона, он горел и не мигал. Бёртон записывал её! Она запаниковала. А что, если он выложит видео в Интернет? Можно было надеяться только на два исхода.

Первый: Вселенная всё-таки сжалится над ней, и она вспыхнет огнём на пороге своего класса.

Второй: она сменит имя, отрастит бороду и пустится в бега.

Или же... чтобы совсем избежать позора...

Можно показать им кое-что невероятное.

– Заколдованная лампа существует, – сказала она. – И я вам это докажу.

Глава 2

Упс

На часах было 16.00, когда Ару и трое её одноклассников вошли в зал Богов.

Четыре часа дня – это время похоже на подвал дома. Скажете, притянута за уши? А вы представьте себе его: цемент, положенный на голую землю, недоделанные, дурно пахнущие помещения и деревянные перекрытия, отбрасывающие резкие тени. Почти дом, но не совсем. Вот и с 16 часами так же. Вроде бы день, но уже не совсем. Близок вечер, но ещё

не полностью. Магия и кошмары любят приходить в такие вот неопределённые часы.

– Кстати, где твоя мама? – спросила Поппи.

– Во Франции, – ответила Ару, стараясь не опускать глаз. – Я не могла поехать с ней, потому что надо присматривать за музеем.

– По-моему, она опять врёт, – хмыкнул Бёртон.

– Конечно, ведь она больше ничего не умеет, – подтвердила Ариэль.

Ару обхватила себя руками. Она много чего умела, только никто этого не замечал. У неё была прекрасная память, позволявшая запоминать всё с первого раза. А ещё она хорошо играла в шахматы и могла бы даже поехать на чемпионат, если бы Поппи и Ариэль не сказали ей: «Никто не ходит на шахматы, Ару. И тебе не стоит». И тогда девушка вышла из команды.

Раньше она хорошо выполняла тесты. Но теперь каждый раз, когда была контрольная, думала только о том, какая дорогая у неё школа (она обходилась маме в целое состояние) и как все оценивающе смотрят на её туфли, которые были модными в прошлом году, а в этом совсем устарели. Ару хотела, чтобы на неё обращали внимание. Но все делали это, только когда она делала что-то неправильно.

– Мне казалось, ты говорила, что живёшь в таунхаусе, но в школьном справочнике написан адрес этой помойки, – скривилась Ариэль. – Так вы правда живёте в музее?

«Ага», – подумала Ару, но вместо этого ответила:

– Нет, посмотри по сторонам. Где ты здесь видишь мою комнату?

Конечно, она наверху.

– Если ты тут не живёшь, то почему ходишь в пижаме?

– В Англии все ходят днём в пижаме.

– Неужели?

– В королевской семье все так ходят.

Если бы я была ещё и из королевской семьи...

– Перестань, Ару.

Они стояли вчетвером в зале Богов. Поппи наморщила нос:

– Почему у твоих богов столько рук?

У Ару покраснели кончики ушей.

– Ну вот такие они.

– Их здесь тысячи, этих богов?

– Не знаю, – буркнула Ару.

На этот раз она не врала. Мама говорила, что индийских богов не сосчитать, но они не всегда остаются самими собой. Иногда они проходят реинкарнацию, и их душа перерождается в кого-то ещё. Ару это нравилось. Временами она думала о том, кем бы могла быть в другой жизни. Может, та, другая Ару знала бы, как победить монстра под названием «седьмой класс».

Одноклассники принялись бегать по залу Богов. Поппи виляла бедрами, размахивала руками, подражая одной из

статуй, и покатывалась со смеху. Ариэль показывала на округлые формы богинь и закатывала глаза.

Ару бросило в жар. Ей хотелось, чтобы все статуи разбились в ту же секунду, не были такими... голыми и всё это наконец закончилось.

Она вспомнила, как в прошлом году мама повела её на банкет в старой школе по случаю окончания шестого класса. Ару надела, как ей казалось, свой лучший наряд: ярко-голубой сальвар камиз, вышитый крошечными зеркальными звёздочками и серебряными узорами. Мама облачилась в тёмно-красное сари. Ару чувствовала себя как в сказке, по крайней мере, пока они не вошли в банкетный зал. Все посмотрели на них с какой-то жалостью... или смущением. А одна девочка довольно громко прошептала: «Разве она не знает, что сейчас не Хеллоуин?» Тогда Ару притворилась, что у неё разболелся живот, чтобы поскорее уйти.

Бёртон стал тыкать в трезубец Шивы.

– Остановись! – крикнула Ару.

– Почему?

– Потому что... тут везде камеры! Когда мама вернётся, она всё расскажет правительству Индии, и они арестуют тебя!

Враньё, враньё, враньё.

Но оно сработало: Бёртон сделал шаг назад.

– Ну и где твоя лампа? – спросила Ариэль.

Ару прошла в конец Выставочного зала. Стеклопанная вит-

рина слегка мерцала в предвечернем свете.

А дийя внутри неё казалась закутанной в густые тени. Пыльная и невзрачная.

– Это что, она? – спросила Поппи. – Такие штуки мой брат делал в детском саду.

– Музей приобрёл дийю Бхарата в 1947 году, когда Индия стала независимой от Британии, – произнесла Ару, подражая голосу мамы, и получилось похоже. – Считается, что лампа Бхарата когда-то хранилась в храме... – *Только не ошибись в произношении «Курукшетры».* – ...Ку-рук-шет-ры.

– Куру – что? Дурацкое название. А почему она там была? – спросил Бёртон.

– Потому что там происходила война *Махабхарата*.

– Какая война?

Ару прокашлялась и заговорила как экскурсовод:

– «*Махабхарата*» – одна из древнейших поэм. Она написана на санскрите, древнеиндийском языке, которого больше не существует. – Ару сделала паузу, надеясь произвести впечатление на слушателей. – В «*Махабхарате*» *рассказывается* о гражданской войне между пятью братьями Пандавами и сотней их кузенов.

– Сотня кузенов? – удивилась Ариэль. – Такое разве бывает?

Ару не ответила.

– Легенда гласит, что тот, кто зажжёт лампу Бхарата, разбудит Спящего, – продолжала она, – демона, который при-

зовет Шиву, ужасного бога разрушений. Тот исполнит танец над миром, и случится конец света.

– Танец? – усмехнулся Бёртон.

– Это будет космический танец, – сказала Ару, стараясь придать голосу убедительности. Она уже представляла, как это происходит: Шива отплясывает прямо в небе, под его ногами в облаках появляются трещины, похожие на молнии, и весь мир рушится и распадается на части.

Но её одноклассники, судя по всему, представляли себе пьяную джигу.

– То есть, если ты зажжёшь лампу, наступит конец света? – спросил Бёртон.

– Да. – Ару взглянула на лампу, как будто ждала, что та сама сейчас всё объяснит. Но дийя молчала, как и положено самому обыкновенному светильнику.

Ариэль поджала губы.

– Ну так зажги её. Покажи, что не врёшь!

– Если я говорю правду – а я говорю правду, между прочим, – вы хоть представляете, что тогда может случиться?

– Не увиливай от ответа. Просто зажги её, и всё. Слабо? – Бёртон поднял руку с телефоном, поддразнивая красным огоньком.

Ару сглотнула. Если бы мама сейчас была рядом, она бы как следует оттаскала её за уши. Но та была наверху и собиралась уезжать, опять. В конце концов, если лампа настолько опасна, зачем оставлять Ару наедине с ней? Конечно, рядом

всегда находится Шеррилин, но она почти всё время смотрит шоу «Настоящие домохозяйки Атланты».

Может, ничего особенного и не случится, если она зажжёт маленький огонёк, а потом быстро задует его? Или можно будет разбить витрину и разыграть, как будто Ару заколдовали. А если она пройдётся как зомби... или проползёт как Человек-паук, ребята, возможно, испугаются и никогда никому не расскажут, что случилось.

«Пожалуйста, ну пожалуйста, пусть всё получится! И я больше никогда не буду врать» – Ару повторяла эту фразу как заклинание, пока шла к витрине и открывала её. Когда она подняла стеклянный колпак, тонкие красные лучи пронзили лампу.

Если хоть один волосок попадет на лазерный луч, тут же к музею примчится полицейская машина.

Поппи, Ариэль и Бёртон одновременно выдохнули. Ару распирало от гордости.

Убедились? Что я вам говорила? Это ценная лампа.

«Может, на этом стоит остановиться?» – подумала Ару. – *По-моему, не надо продолжать».*

Но тут Поппи склонилась над лампой.

– Давай быстрее, – сказала она. – Мне скучно.

Ару набрала код – это была дата её рождения – и убедилась, что лазерные лучи исчезли. В воздухе появился тонкий запах глиняной дийи. Пахло как внутри храма: травами и чем-то горелым.

– Давай же, скажи правду, Ару, – настаивала Ариэль. – Если признаешься, тебе надо будет всего лишь заплатить нам по десять долларов, и мы не будем постить в Интернет видео, как ты попала на глупом вранье.

Но девушка понимала, что нужно закончить начатое. Между демоном, который вызовет конец света, и своей одноклассницей она (как и многие из вас) выбрала бы первое.

Без лазерных лучей лампа показалась опасной, как будто чувствовала, что одной преградой стало меньше. Холодок пробежал по спине Ару, пальцы онемели.

Рисунок на маленькой металлической тарелочке в лампе напоминал немигающий глаз. И он смотрел прямо на неё.

– У меня... у меня нет спичек, – сказала она, отступая.

– У меня есть. – Поппи достала зелёную зажигалку. – Нашла её в машине брата.

Ару взяла зажигалку. Едва она тронула маленькое колесико, как крошечный огонёк выскочил на поверхность. Девушка почти не дышала.

Я просто быстро зажгу её, и всё.

А потом она разыграет драматичную сцену, которую сама придумала, и забудет обо всём как о страшном сне. И никогда, никогда, никогда не будет больше врать.

Как только она поднесла огонь к лампе, в зале Богов вдруг стало темно, как будто кто-то выключил всё дневное освещение.

Поппи и Ариэль подошли ближе. Бёртон тоже хотел при-

соединиться к ним, но Поппи оттолкнула его.

– *Ару...* – Казалось, голос исходил откуда-то изнутри глиняной лампы.

Девочка чуть не уронила зажигалку, но вовремя подхватила её. Она не могла отвести глаз от дийи. Казалось, лампа притягивала её всё ближе и ближе.

– *Ару, Ару, Ару...*

– Давай уже заканчивай, Ша! – взвизгнула Ариэль.

Краем глаза Ару снова увидела мигающий красный огонёк в телефоне Бёртона. Он предвещал ужасный год, капустный салат в школьном шкафчике, разочарованное выражение маминого лица. Хотя, если она сделает это и по какому-то счастливому стечению обстоятельств ей удастся провести Ариэль, Поппи и Бёртона, может быть, тогда они разрешат ей сидеть с ними за одним столом во время обеда. И ей не придётся прятаться в книжных мирах, потому что реальная жизнь наконец-то станет полной...

И она сделала это.

Она поднесла огонь к фитильку в лампе.

А когда коснулась пальцами глины, ей в голову пришла странная мысль. Она вспомнила, что смотрела документальный фильм о необычных рыбах: как у некоторых из них была приманка – такой маленький светящийся шарик, чтобы привлечь жертву. Пока какая-нибудь рыба плыла к этому шарiku, покачивавшемуся в воде, морское чудовище готовилось проглотить её своими огромными челюстями. Так же было и

с лампой: как будто страшный монстр, скрывавшийся внутри, держал перед Ару маленький шарик света.

И приготовился напасть.

Как только огонь загорелся, прямо перед глазами Ару словно что-то взорвалось. Из лампы взметнулась тень. Она стала приближаться, издавая ужасные звуки, похожие на смех, и превратившиеся в навязчивый шум, от которого девочка никак не могла избавиться. Он заполнял её голову как маслянистый мазут, а все мысли вдруг как будто соскребли и выбросили.

Ару шагнула назад, видя, как над лампой поднимается тень. Её охватила паника. Она попыталась задуть свечу, но огонь не поддавался. Тень вдруг начала расти и превратилась в демона: высокого, похожего на паука, рогатого, клыкастого и мохнатого.

– О Ару, Ару, Ару... что ты наделала?!

Глава 3

Пробуждение

Ару очнулась на полу. Свет мигал, в комнате пахло ржавчиной. Девушка приподнялась на локтях и огляделась в поисках лампы. Но та исчезла. Если бы не осколки стекла на полу, можно было бы подумать, что она здесь никогда и не лежала.

Ару вытянула шею и огляделась.

Все статуи смотрели на неё.

Холодный пот тонкой струйкой стекал по её спине.

– Поппи! – позвала она и подползла к подставке, на которой стояла лампа. – Ариэль! Бёртон!

И тут она увидела их. Все трое неподвижно стояли рядом друг с другом. Это было похоже на фильм, который поставили на паузу во время сцены битвы. Рука Поппи лежала на груди Бёртона, а сам он замер на пятках, отклонившись назад так, что, казалось, должен был вот-вот упасть. Ариэль зажмурила глаза и широко открыла рот в безмолвном крике. Время для них остановилось.

Ару подошла и коснулась их. Кожа была теплая, пульс – бешеный. Но сами они при этом оставались неподвижными, словно статуи.

Что же тут произошло?

Её взгляд скользнул на красный огонёк, выглядывавший из кармана Бёртона. Телефон. Может, получится перемотать запись?

Ару кинулась к парню, но не смогла вытащить мобильник из кармана. Всё вокруг как будто заморозилось. Застыли все, кроме неё.

Наверное, это сон. Иначе и быть не может. Девушка ущипнула себя и тут же вскрикнула от боли. Нет, она определённо не спала. Да и её одноклассники – тоже. Но почему всё замерло?

Неожиданно из зала Богов донёсся скрип. Ару напряглась: это было похоже на открывающуюся дверь.

– Мама, – прошептала она и выбежала из комнаты. Навер-

ное, мама услышала шум и спустилась. Ничего, она наверняка знает, что делать.

Но уже у выхода из зала Богов Ару заметила три вещи, которые никак не могла объяснить:

1. Мама тоже была заморожена – она висела в воздухе, не касаясь земли, как будто её заколдовали прямо в прыжке. Чёрные волосы взвились вверх, рот был широко открыт, а в распахнутых глазах читалась паника.

2. Комната казалась какой-то странной и плоской, будто её лишили света. И ни один предмет не отбрасывал тени.

3. Скрипела вовсе не дверь – этот странный звук издавал слон.

Ару оцепенела от ужаса и с изумлением наблюдала, как каменный слон, который неподвижно стоял в музее несколько десятков лет, вдруг опустился на пол. Он потянулся хоботом ко лбу – тем самым, на который Ару каждый день вешала рюкзак. Ещё одно быстрое скрипучее движение – и он разлепил челюсти.

В панике Ару бросилась к маме, схватила её за руку и попыталась вернуть на землю.

– Мама! Мама! Слон взбесился. Ты должна проснуться!

Но та оставалась неподвижной. Ару проследила за её взглядом. В тот момент, когда мама заморозилась, она смотрела на что-то в зале Богов.

– Мам... – прошептала девочка и тут же услышала глубокий, грубый, сухой голос. Он шёл откуда-то изнутри слона.

Ару содрогнулась.

– КТО ПОСМЕЛ ЗАЖЕЧЬ ЛАМПУ? – произнёс голос.

Стало темно, как во время бури. Ару подумала, что сейчас самое время, чтобы изо рта слона вырвался сноп молний. При других обстоятельствах она сочла бы это довольно забавным.

– КТО ПОСМЕЛ РАЗБУДИТЬ СПЯЩЕГО ДЕМОНА?

Ару трясло.

– Это я... но я не хотела!

– ТЫ ЛЖЁШЬ, ВОИН! И ПОЭТОМУ Я ЗДЕСЬ.

Из открытого рта слона донесся звук хлопающих крыльев. Ару судорожно сглотнула.

Это конец, решила она. Птицы едят людей? Наверное, в зависимости от размера птицы или размера человека. Не испытывая ни малейшего желания проверить это, она попыталась спрятаться у мамы на груди, но никак не могла протолкнуть голову под мамину замороженную руку.

Звук внутри слона постепенно нарастал. Огромная крылатая тень на полу увеличилась.

Наконец существо вылетело из слоновьего рта.

И оказалось... голубем.

Ару воскликнула от неожиданности. Раньше мама часто говорила ей, что голуби – это крысы с крыльями.

– Где он? – спросила птица. – Один из пяти древнейших воинов Бхарата, который зажжёт лампу.

Ару повернула голову и, прежде чем успела подумать, за-

дала вопрос:

– Почему у вас другой голос?

Из чрева слона голос голубя звучал так, что мог убедить гору превратиться в вулкан.

А теперь он был похож на голос их учителя математики, когда тот хотел спеть а капелла, но наступил на детальку «лего» и до конца дня потом ходил хмурый.

Голубь вздохнул:

– Тебе что, не нравится, как звучит мой голос, девочка?

– Нет, но...

– Разве я не похож на птицу, способную уничтожить всё и вся?

– Я хотела сказать...

– Ты должна знать, что во многих городах меня ненавидят, а мое имя считают проклятым.

– Разве это хорошо?

– Это власть, – хмыкнул голубь. – И, если выбирать между добром и властью, я всегда выберу последнее.

– И поэтому вы – голубь?

Интересно, птицы умеют щурить глаза? Если нет, то, без сомнения, эта научилась делать вид, что щурится.

– Кто-то зажёт лампу, и теперь Спящий начнёт пробуждаться. Моя святая обязанность – сопровождать брата Пандава, который зажёт лампу.

– Пандава? – переспросила Ару.

Она помнила это слово: фамилию пяти братьев в поэме

«Махабхарата». Мама рассказывала, что каждый из них обладал необыкновенными способностями и владел священным оружием, потому что они были сыновьями богов.

Герои из легенды. Но как они связаны с лампой? Может, она повредила голову и даже не заметила этого? Она ощупала свой череп в поисках шишки.

– Да, Пандава, – хмыкнул голубь, выпустив воздух из груди. – Только один из пяти братьев мог зажечь её. Ты знаешь, куда он пошёл, девочка?

Ару гордо подняла голову.

– Вообще-то, это сделала я.

Птица удивлённо посмотрела на неё. Постепенно удивление сменилось интересом.

– Да уж, кажется, конец света не за горами.

Глава 4

Не-у-ме-лость

Ару где-то читала, что, если посмотреть в глаза шимпанзе, обезьяна обязательно уставится на вас в ответ и, может, даже улыбнётся. А потом... нападёт.

Но в книгах ничего не говорилось о том, какие могут быть последствия, если посмотреть в глаза голубю.

Правда, Ару знала, что взгляд обладает великой силой. Мама рассказывала ей истории о царице Гандхари, которая ходила с повязкой на глазах из солидарности со своим сле-

пым мужем. Лишь однажды она сняла её, чтобы посмотреть на своего старшего сына. И в тот момент её взгляд обладал такой силой, что мог бы сделать сына непобедимым, если бы тот был обнажён. Но он постеснялся. (Ару его понимала. Очень неловкая ситуация.)

Ару продолжала смотреть голубю в глаза, но на всякий случай отступила на шаг назад.

Наконец птица сдалась и опустила голову. Её крылья безвольно повисли.

– Все ныне спящие братья Пандавы были великолепны, – проговорил он, качая головой. – Последний, Арджуна, был избран сенатором. Юдхиштхира стал известным судьёй. Бхима – атлетом, участвовавшим в олимпиадах. А Накула и Сахадева были знаменитыми моделями, написали невероятные бестселлеры-самоучители и открыли первые в мире студии горячей йоги. И к чему всё пришло в итоге? Девчонка! Ребёнок!..

Ару подумала, что это несправедливо. Даже самые известные люди когда-то были детьми. И даже судьи не рождались в парике и с судейским молотком.

А ещё у неё в голове крутился вопрос: о чем вообще толкует эта птица? Все эти имена: Арджуна, Юдхиштхира, Бхима...

Накула и Сахадева – так звучали имена двух из пяти известных братьев Пандавов. Ещё один, Карна, был «тайным» Пандавом. В легендах говорилось: они не знали, что он их

брат, до тех пор пока не началась война.

И почему голубь назвал их «спящими»? Значит ли это, что они спят?

Птица плюхнулась на спину и театрально прикрыла клюв крылом.

– Такова моя судьба, – простонал голубь. – Я был успешным, лучшим! Верить? – Он усмехнулся.

– Э-э-э... простите...

– Думать вообще полезно! – Голубь приподнял крыло и пристально посмотрел на Ару. – И нужно было подумать, прежде чем устраивать всю эту заваруху! Посмотри на себя... Ужас! – Он закрыл голову крыльями и пробормотал: – Ну почему у каждого поколения обязательно должны быть герои?

– Подождите. Значит, в каждом поколении бывает пять братьев Пандавов? – спросила Ару.

– К несчастью, да, – ответил голубь, разводя крыльями.

– И я... одна из них?

– Не проси меня повторять это ещё раз.

– Но... почему вы так уверены?

– *Потому что ты зажгла лампу!*

Ару промолчала. Да, фактически это сделала она: поднесла зажигалку к фитилю. Но ведь сама зажигалка принадлежит брату Поппи. Возможно, это имеет значение? Она ведь собиралась зажечь лампу всего на секундочку и совершенно не хотела оставлять огонь. Может, она всё-таки не совсем

герой?

– Я почти уверен, что ты – Пандава, – сообщил голубь. – Во всяком случае, не буду отрицать это. Иначе почему я здесь и, вообще, пребываю в этом проклятом теле?

Он посмотрел на потолок и воскликнул:

– Кто я такой?..

– Я думаю... – начала было Ару.

– Ах, неважно, – прервал её голубь и протяжно вздохнул. – Если ты зажгла эту заколдованную лампу, тот, другой, тоже скоро об этом узнает.

– Кто? – спросила Ару.

– Нам просто нужно пройти через дверь Многих: она знает ответ. К тому же это гораздо проще, чем искать что-то на «гугл-картах». Самое бестолковое изобретение последнего столетия.

– Вы – птица! Разве вы не должны чувствовать, куда лететь?

– Я не обычная птица, ты, безмозглый герой! Я... – Голубь захлебнулся словами и замолчал. – Неважно, кто я такой. Главное – остановить это всё, пока мир не разрушился. В последующие девять дней время будет заморожено. Если Спящий останется на свободе, то на девятый день он доберётся до бога разрушения, Шива исполнит свой танец, и наступит конец времён.

– А бог разрушения не может просто сказать ему: «Спасибо, я не хочу танцевать»? – поинтересовалась Ару.

– Ты ничего не понимаешь в богах, – усмехнулся голубь.

Девочка немного помолчала, обдумывая его слова. Её не шокировала мысль, что все эти божества существовали на самом деле, но она не ожидала, что человек и правда может с ними встретиться. Для неё они были как луна: настолько далёкие, что она редко задумывалась о них, и до такой степени удивительные, что вызывали одни вопросы.

Ару посмотрела на свою неподвижную маму и одноклассников.

– Значит, они так и будут заморожены?

– Это временно, – ответил голубь. – Если, конечно, нам не помешает твоя неумелость.

– *Не-у-ме-лость?* Это из французского? – спросила Ару.

Голубь уронил голову на деревянные перила.

– У Вселенной жестокое чувство юмора, – простонал он. – Ты всё испортила. При этом ты – одна из немногих, кто может всё исправить. Поэтому ты и тот, другой, – герои.

Ару не видела тут ничего героического. Вселенский беспорядок требовал вселенской уборки. Её плечи поникли.

– Да кто же он, этот «другой»? – спросила она.

– Твой брат, конечно! Думаешь, сможешь пройти этот квест в одиночку? Испытание – дело семейное, – сказал голубь. – Твой брат или сестра (хотя не думаю, что такое возможно) будет ждать тебя. Когда пробуждается один Пандав, тут же появляется и другой: обычно тот, кто оснащён должным образом, чтобы пройти испытания. До сих пор мне по-

падались взрослые герои, а не такие вот сгустки гормонов вперемешку с неопытностью...

– Спасибо, – кивнула Ару.

– Пойдём, девочка.

– Кто вы такой?

Ару не собиралась двигаться с места, пока не установит его личность. Правда, она сомневалась, что у голубя есть удостоверение.

Тот помолчал, потом сказал:

– Конечно, такое прославленное имя негоже произносить ребенку, но, так и быть, можешь называть меня Субала. – Голубь приосанился и стал чистить клювом перья. – В общем, тебе нужно знать только, что я – это он, то есть был им... Это длинная история. Главное – я здесь, чтобы помочь тебе.

– Почему я должна идти с вами?

– Неблагодарное дитя! Ты что, совсем не знаешь учение дхаммы? Раз Спящий пробудился, заморозка будет распространяться дальше. Если не остановить его до новолуния, твоя мама так и останется неподвижной, навсегда. Ты этого хочешь?

Щёки Ару покраснели. Конечно, она этого не желала. Но у неё было стойкое чувство, что земной шар стал вращаться в другую сторону и она потеряла равновесие.

– Вас зовут Субала? Слишком длинное имя... – задумчиво проговорила Ару, и в её сердце стал медленно заползать страх. – Вдруг мне срочно понадобится помощь? Я же ли-

шуть руки или ноги, пока буду выговаривать это имя! Буду звать вас Сью.

– Сью – женское имя, – нахмурился голубь. – А я – мужчина.

Ару часто слушала песни Джонни Кэша из плей-листа Шеррилин и была совершенно не согласна с Субалой.

– Ничего подобного. Есть такая песня «Мальчик по имени Сью». Понимаете, его отец ушёл из дома, когда ему было три...

– Избавь меня от этой гнусности в стиле кантри, – раздражённо сказал Субала и подлетел ко рту слона.

Ладно, если он не хочет быть Сью, может, тогда...

– Буу! – крикнула Ару.

Субала повернул голову, но тут же сообразил, что сделал, и выругался.

Он присел на основание слоновьего хобота.

– Так и быть, ты выиграла, но на твоём месте я убрал бы с лица эту самодовольную ухмылку. Из-за тебя произошли очень серьёзные неприятности, девочка. Поскольку ты – Пандава своего времени, твоя обязанность – пройти этот квест. Такой необходимости не было уже восемьсот лет. Уверен, мама поведала тебе об этом. – Буу уставился на неё. – Она ведь рассказывала, правда?

Ару притихла, вспоминая всё, что когда-либо слышала от мамы. В памяти всплывала какая-то ерунда, никак не способная разморозить людей в комнате: например, что сбив-

шиеся в стаю скворцы называются мурмурацией, что иногда в одной сказке прячется другая и что мятные листья надо добавлять в чай в самом конце.

Про квесты она ничего не говорила, как и о том, что Ару – Пандава. Да и как это случилось, не упоминала.

И не было никаких инструкций, как себя вести в случае, если Ару случайно вызовет конец света.

Может быть, мама считала, что дочь всё равно не справится, или не хотела, чтобы Ару думала, будто способна на что-то героическое?

На этот раз девочка не стала врать. Это был не тот случай, когда можно выйти сухой из воды, чтобы чудесным образом всё само как-нибудь устроилось.

– Нет, – сказала она, делая над собой усилие, чтобы выдержать взгляд Буу.

Но то, что увидела Ару, заставило её сжать кулаки. Голубь прищурился. Он смотрел на неё с таким пренебрежением, как будто она была пустым местом. А зря. В ней текла кровь – а возможно, жила душа – героя (или что-то в этом роде: она точно не знала, как происходит реинкарнация).

– Я многого не знаю, – сказала она. – Но могу научиться. Буу наклонил голову.

Привычное враньё рвалось наружу из её горла: успокаивающие слова, ложь, которая ей всегда помогала.

– Мой учитель однажды назвал меня гением! – воскликнула она.

Она не стала уточнять, что учитель физкультуры назвал её так не для того, чтобы похвалить. Ару пробежала на стадионе дистанцию в полтора километра за четырнадцать минут, установив таким образом рекордное время. В следующий раз они должны были побить предыдущий рекорд, но Ару проигнорировала задание и дошла до финиша пешком через поле. Учитель рассердился на неё и сказал: «Ты что, считаешь себя гением?»

– А ещё я – первая ученица, – продолжала Ару.

В каком-то смысле это было правдой, потому что по списку её имя было первым, ведь оно начиналось на «А».

Чем больше она врала – даже если ложь была частично правдой, – тем лучше себя чувствовала. Слова обладали волшебной силой.

– Отлично. Мои опасения подтверждаются, – холодно сказал Буу. – А теперь идём. Мы тратим время!

Он что-то пробормотал, и рот слона увеличился до размеров двери, а челюсть упала на пол. Ару почувствовала ворвавшийся непонятно откуда порыв ветра, который смешался с душным музейным воздухом.

Один шаг – и пути назад не будет. Атланта заканчивалась, начинался совершенно новый, неизвестный мир. Ару охватило волнение, и тут же на смену пришло пронзительное чувство вины. Если она не справится, мама станет частью музея, таким же пыльным экспонатом, как все остальные.

Ару провела пальцами по маминой замершей руке.

– Я всё исправлю, – сказала она. – Обещаю.

– Да уж, постарайся! – отозвался Буу со своего места на слоновьем хоботе.

Глава 5

У Ару есть сестра

Схватившись за один из бивней как за перила, Ару шагнула в рот статуи. Внутри было холодно, сухо и гораздо просторнее, чем казалось снаружи. Она вошла в зал, отделанный камнем и мрамором, над которым высоко парил потолок.

Ару удивлённо огляделась: раньше, когда прислонялась к статуе, она даже не догадывалась, что внутри скрывается волшебный вход.

Буу летел по коридору, подгоняя её вперёд. «Идём!

Идём!»

Ару побежала быстрее, чтобы успеть за ним. Как только она вошла, вход сзади закрылся. Теперь перед ней была запертая дверь. Сквозь щель проникал свет.

Буу сел на плечо Ару и клюнул её в ухо.

– За что?! – вскричала она.

– За то, что изменила мне имя, – самодовольно произнёс голубь. – А теперь скажи двери Многих, что тебе надо пройти к пробудившемуся брату.

К брату. У Ару вдруг закружилась голова. Мама уезжала почти каждые выходные. Может быть, она ездила не по работе, а чтобы навестить других детей?

Детей, с которыми ей больше нравилось проводить время.

– Разве у меня есть кровный брат? – спросила она.

– Кровь – не единственное, что делает людей родственниками, – ответил Буу. – У вас обоих божественное происхождение. Ты – божественное дитя, потому что один из богов выковал твою душу. Это никак не отражается на генах, отвечающих за то, что ты, например, не будешь выше полутора метров. А душе это неважно. У неё, знаешь ли, нет высоты.

Ару отключилась на фразе «Ты – божественное дитя».

До этого мгновения её мозг был способен лишь частично воспринять новость, что она – Пандава. Но если она была одной из Пандав, значит, её и правда сотворил Бог и признал... своим ребенком.

Ару схватилась за сердце. У неё возник странный порыв

проникнуть внутрь себя и вытащить свою душу: рассмотреть, нет ли на ней этикетки, как на футболке. Интересно, что там могло быть написано: «сделано на небесах»? А может, если душу нельзя потрогать, то её и вовсе не существует?

И тут же появилась другая мысль, ещё более странная, чем та, что Бог – отец Ару.

– Так что же, я типа... богиня? – спросила она.

А что, было бы неплохо.

– Нет, – ответил Буу.

– Но Пандавы же считались полубогами! У них было свое божественное оружие. Значит, я – полубогиня, да? – спросила Ару и изучающе посмотрела на свои руки, напрягая их, подобно тому, как делал Человек-паук, когда выпускал паутину. – Значит, я смогу теперь творить магию? У меня есть суперспособности? А мантия?

– Мантии не будет.

– А шляпа?

– Нет.

– А музыкальное сопровождение?

– Прекрати, пожалуйста.

Ару взглянула на свою одежду. Если сейчас ей предстоит встретиться с давно утерянным братом, она предпочла бы, чтобы на ней была какая-то другая одежда вместо пижамы с Человеком-пауком.

– А что будет, после того как... мы встретимся?

Буу внимательно посмотрел на неё, по-голубиному наклонив голову.

– Конечно же, мы пойдем в Иномирье. Оно теперь не то что раньше: уменьшается из-за человеческого воображения и сейчас, наверное, размером со шкаф или с коробку из-под обуви.

– Как же я туда зайду?

– Оно впустит тебя, – небрежно сказал Буу. – Видела бы ты его в прежние славные времена! Там был Ночной базар, где все покупали сны про запас. На хороший певческий голос разрешалось купить рисовый пудинг, приправленный лунным светом. Это самое лучшее, что я когда-либо ел, уступает разве что перчёному демону. М-м-м... – Ару передёрнуло, но он не обратил на это никакого внимания. – Мы отведём тебя в Небесный суд. Там ты сможешь официально расспросить Совет стражей о деталях своего испытания. – Говоря о Совете, Буу нахохлился. – Получишь оружие, а я верну себе уважение, можешь не сомневаться. А дальше решите с братом... или сестрой. Да помогут нам боги.

– Оружие? – повторила Ару. – О чём это ты? Нас в седьмом классе не учат пользоваться оружием. Как же мне остановить Спящего и не дать ему дойти до бога разрушения, если я не умею бросать в противника лук со стрелами?

– Стрелу выпускают из лука! – воскликнул голубь.

– Конечно, я знаю.

Ару была не очень спортивной. Только на прошлой неделе

на уроке физкультуры она нарочно ковыряла в носу, чтобы вызвать кровотечение, и её освободили от игры в вышибалы.

– Может быть, внутри у тебя есть скрытый талант? – предположил Буу и покосился на неё. – Очень глубоко, думаю.

– Но раз все эти божества существуют, почему они не помогают? Зачем взваливать всё на, как вы выразились, клубок гормонов и невежества?

– Боги и богини могут периодически помогать, но они не вмешиваются в то, что касается только людей. Для них смертные – просто соринка в глазу.

– Думаешь, боги ни капельки не расстроятся, если их Вселенная рухнет?

Буу содрогнулся.

– Даже время может исчезнуть. Когда вмешаются другие, всё зависит от того, справишься ты или нет. Боги примут любой расклад.

Ару сглотнула.

– Прекрасно. Лучше не придумаешь.

Буу снова схватил её за ухо.

– Ой! – вскрикнула Ару. – Может, вы не будете так делать?

– Ты – дитя богов! – ответил тот. – Выпрями спину!

Ару потёрла ухо. Божество было её... отцом. Она всё ещё не могла в это поверить.

Она, конечно, часто привирала, но никогда не фантазировала про отца. Было бы странно придумывать истории о человеке, который не интересовался её жизнью. Да и зачем ей

лезть из кожи вон, показывая его лучше, чем он есть на самом деле? Его просто не было в жизни Ару, и точка.

Мама тоже никогда про него не рассказывала. В доме была только одна фотография мужчины – красивого, темно-волосого, со смуглой, янтарной кожей и очень странными глазами: один голубой, другой карий. Но Ару сомневалась, что он вообще был её отцом. И он совершенно не был похож на божество. По крайней мере, не походил ни на одну статую в зале Богов. Хотя, конечно, древние статуи – не показатель. Все они выглядят одинаково, вырезанные из гранита и известняка, и их лица довольно однотипны: с поблекшими улыбками и полузакрытыми глазами.

Возможно, у неё и было божественное происхождение, но когда она смотрелась в зеркало, то обращала внимание только на свои почти сросшиеся брови. И правда заключалась в том, что, если ты хоть частично произошёл от богов, у тебя не должно быть сросшихся бровей.

– А теперь, – велел Буу, – скажи двери Многих, куда хочешь попасть.

Ару уставилась на дверь. На раме было выгравировано несколько символов и сцен: изображения воинов с поднятыми луками и выпущенными стрелами.

Когда Ару мигнула, она даже увидела, как стрела двигается с гудением и свистом по деревянной поверхности. Девочка наклонилась и приложила ладонь к двери. Резная створка подалась к ней и, как кошка, потёрлась о руку, будто пыта-

лась узнать её поближе.

– Перенеси меня... к другому Пандаву, – произнесла Ару почти не дыша.

Она не ошиблась: слова обладали силой. Как только прозвучало последнее слово, «Пандава», все чувства, теснившиеся внутри с того момента, как Ару узнала, кто она такая, раскрутились, как пружина, и вырвались на свободу.

Нельзя сказать, чтобы это было неприятно.

Ощущения напоминали те, что бывают на американских горках, но при этом сама девочка оставалась спокойной, и изначальная паника превратилась во что-то другое: в оживление, радость, предвкушение.

Ведь она – Ару Ша.

Неожиданно мир, казавшийся ей знакомым, расширился, как будто убрали театральный занавес, и Ару поняла, что за ним скрывается гораздо больше, чем она воображала. Это было неизвестное волшебство, притаившееся во мраке. Словно бы герои историй, которые ей рассказывали всю жизнь, снимали маски и говорили: *«Это не сказки, это правда»*.

Но ещё – и эта мысль стерла проявившуюся было улыбку – перед ней появилась мама: неподвижная, замершая с испуганным выражением лица. Ару почувствовала, как сердце сжимается в болезненный комок.

Я не допущу, чтобы всё так закончилось, мама. Обещаю!
Двери открылись, и её озарил свет.

Буу пронзительно вскрикнул.

Ару почувствовала, как её затягивает внутрь.

* * *

Погода здесь сильно отличалась от климата Джорджии. Было холодно, а свет казался очень ярким. Когда глаза привыкли к нему, она увидела, что стоит посреди широкой подъездной аллеи, ведущей к просторному белому дому. Солнце начало садиться. Вокруг стояли голые деревья, без листьев. А справа, прямо перед собой, она увидела... гигантскую черепашку?

Стоп. Нет. Это была девочка. И за её плечами висел крайне неприглядный рюкзак. Она стояла, скрестив руки на груди, а под глазами у неё было размазано нечто, напоминавшее чёрную боевую раскраску. В одной руке девочка держала толстую ручку, а в другой – пакет с миндалём.

– В Другом мире есть пчёлы? – спросила она, казалось, совсем не удивившись появлению Ару. Вообще-то, она смотрела на Ару немного укоризненно, как будто упрекала её за опоздание. – Неизвестно, есть ли у меня аллергия, но кто знает? От пчелиного укуса можно умереть за минуту. *За минуту!* И я уверена: у них тут нет реанимации. Да, знаю, есть магическое целительство и всё такое, но вдруг этого недостаточно? – Девочка посмотрела прямо на Ару и прищурилась. – Надеюсь, у тебя нет аллергии на пчёл? У меня только

один шприц с антидотом. Хотя можно поделить на двоих. Ты сделаешь укол мне, а я – тебе...

Ару ошеломлённо уставилась на неё. Неужели это и есть другая Пандава, её легендарная сестра, которая тоже имеет божественное происхождение?

Девочка принялась рыться в рюкзаке.

Буу в это время копошился в траве, уткнувшись в неё головой. Ару услышала сдавленные всхлипывания вроде «*Боже, боже, почему, почему я?*»

Глава 6

Смотри, но не по-настоящему

– Видимо, твоя семья тоже заморозилась, раз ты оказалась здесь, – сказала девочка. Её голос немного дрожал, но она усилием воли выпрямилась. – Ты случайно не взяла с собой денег? Я не смогла украсть мамин кошелёк. Мне показалось это неправильным. – Она чихнула, и её глаза расширились. – Как думаешь, это может быть аллергия на магию? Такое бывает?

– Стоп! – простонал Буу. – Ты – Пандава?

Девочка кивнула.

– Отвечай мне! – настаивал Буу.

Ару пнула его ботинком.

– Она же кивнула.

– Я не видел.

– Может, это потому, что ты уткнулся клювом в траву?

Буу сидел на газоне перед домом, который, судя по всему, принадлежал девочке. Это место казалось таким скучным – совсем непохожим на то, где, по её представлениям, могло жить дитя богов. Трава выглядела невзрачной: подстриженной, но не такой, чтобы привлечь к себе внимание.

С большим усилием Буу перекатился на спину. Вздохнув, Ару сгребла его в охапку и протянула девочке.

– Это наш... э-э-э...

– Волшебный помощник, компаньон, комический персонаж, оруженосец и так далее, – пробормотал Буу. Он всё ещё лежал, развалившись на её ладонях. – Иногда героев в эпических произведениях сопровождают орлиные короли и мудрые обезьяньи принцы. Но это было давно, и мир совсем забыл о роскоши, поэтому с вами я.

– У героев были орлиные короли, а у нас... – начала было девочка.

Ару громко кашлянула.

– А у нас – существо, бывшее в прошлом знаменитым и выдающимся.

Выдающийся – слово, которое она однажды услышала в

фильме. Так обращались к великой императрице. Ару решила, что оно означает «выделяться на фоне лица», потому что нос императрицы сильно выделялся на её лице (это был действительно очень выдающийся нос). Но известные люди совершенно не обижались на это слово. Вот и Буу тоже встретился, отряхнулся и кивнул.

Девочка посмотрела на Ару. На её лице читался вопрос «Ты уверена?». Та лишь пожала плечами. Может, это была ложь, которая вселяла голубую уверенность в себе. А возможно, и правда. В любом случае Ару его прекрасно понимала. Она всю жизнь так поступала: наделяла самые обыкновенные вещи необыкновенными свойствами.

– Меня зовут Ару.

Вторая девочка кивнула.

– Мини.

– Что?

– Я Мини, – повторила девочка.

– Я догадалась, что ты маленького роста, – сказала Ару. –

Но...

– Меня так зовут.

– О.

– Так что, мы... сёстры? Не по родству, а по духу?

Мини выглядела гораздо спокойнее, чем Ару, когда узнала, что она Пандава.

– Что-то в этом роде, – ответила Ару.

– О.

Ару о многом хотела её расспросить. Наверное, родители Мини рассказывали ей об истинном происхождении, потому что она выглядела подготовленной и явно понимала, что происходит.

Но что-то всё же было не так, словно Ару заставили надеть ботинки на размер больше, и теперь она испытывала жуткий дискомфорт.

Ару была честна с собой на сто процентов (себе она не врала никогда), поэтому призналась сразу: она разочарована. А чего она, собственно, ожидала? Пора бы уже понять, что ожидаемое редко совпадает с действительностью.

В прошлом году, когда девочка узнала, что в их школе готовится дискотека, она представила что-то прекрасное из индийского фильма: вокруг огня, порыв ветра словно из ниоткуда, её волосы развеваются, а вокруг все начинают синхронно танцевать отрепетированный танец. На самом же деле, когда Ару вошла в зал, не было никакого ветра. Зато кто-то чихнул прямо ей в лицо. Все прохладительные напитки оказались противно тёплыми, а еда – холодной. Никакого поставленного танца не было (не считая «ча-ча-ча»). Дети неестественно, иступленно танцевали под запиканные популярные хиты. Сотрудник школы, присматривающий за порядком, то и дело кричал: «Не прижимайтесь друг к другу. Между вами должно оставаться место для Иисуса». А в конце вечера он уже истошно орал: «ОСТАВЬТЕ МЕСТО ДЛЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ!» И в довершение всего в середине дис-

котеки сдох кондиционер, испустив предсмертную струйку воздуха. В конце праздника Ару казалось, что она утонула в густых парах потного запаха всей средней школы.

И это, честно говоря, было одним из худших её воспоминаний.

Встреча с Мини, конечно, лучше дискотеки в средней школе. Но Ару всё равно не покидало ощущение, что её обманули.

Она ожидала увидеть сестринскую улыбку и испытать чувство родства, а вместо этого нашла совершенно чужого человека и голубя, который медленно, но верно сходил с ума. Может, конечно, это было частью испытания. Она ведь герой (или типа того), и, возможно, ей просто следовало проявить терпение, чтобы доказать, что она заслуживает гордого звания Пандавы. Тогда-то наверняка и начнётся настоящее волшебство.

Она посмотрела на Мини и расплылась в самой дружелюбной и, как она надеялась, ослепляющей улыбке, на которую только была способна.

Мини отступила на шаг, крепче сжав шприц с антидотом.

Она была похожа на реинкарнированного Пандава не больше, чем Ару. Но всё же сильно отличалась от своей «сестры»: у неё были зачёсанные волосы и кожа светло-золотистого оттенка, как топлёный мёд, в отличие от каштановой кожи Ару. Естественно, ведь Индия – огромная страна, и в ней живут миллионы людей. В разных штатах они отличаю-

ся друг от друга и даже разговаривают на различных языках.

Буу высвободился из рук Ару, вспорхнул и завис в воздухе перед девочками.

– Ты Мини, она Ару. А я – Бешеный голубь. Сколько можно тянуть время? Обменялись приветствиями? Отлично. А теперь в Иномирье!

– Бешеный, а как мы туда доберёмся? – спросила Мини.

Буу закатил глаза.

– Надеюсь, ты унаследовала ещё какие-нибудь таланты, потому что чувство юмора у тебя точно отсутствует.

– У меня дефицит железа. Это считается талантом? – спросила Мини.

Буу собирался снова упасть клювом в траву, но Ару подхватила его.

– Разве нам не пора идти? Спящий разгуливает где-то, замораживает людей, и, если мы не остановим его за девять дней, все они... – Ару всхлипнула. Она до конца не могла поверить в это, пока не произнесла вслух, – останутся навсегда замороженными.

– В Иномирье! – воскликнул Буу.

Его слова могли бы прозвучать вполне героически – например, как известный клич Бэтмена: «В бэтмобиль!». Но Буу крикнул невнятно, потому что Ару сжала его ладонями и посадила на ближайшее дерево.

– Я не помню, как туда попасть, – сказала Мини. – Мы ездили туда однажды, но меня всю дорогу тошнило в машине.

Ару почувствовала зависть.

– Ты была в Иномирье?

Мини кивнула.

– Мои родители отвезли туда брата, когда ему исполнилось тринадцать. Мне тоже пришлось ехать с ними, потому что они не нашли мне няню. Я думала, все родители Пандавов отвозят детей в Иномирье, когда у них проявляются свойства полубогов. А что, разве твои нет?

Разве твои нет?

Ару ненавидела этот вопрос и все его варианты. Она слышала его всё время, пока росла.

Моя мама упаковала для меня в поездку сэндвич, а разве твоя нет?

Мои родители всегда приходят ко мне на хор. А разве твои нет?

Прости, не могу задерживаться после уроков. Мама сейчас заедет за мной. А разве твоя нет?

Нет, нет и нет.

По лицу Ару всё было понятно без слов. Мини смягчилась.

– Уверена, она хотела, просто у неё не было времени. Так бывает.

Ару взглянула на Мини: сжатые губы и брови домиком. Неужели девочка жалеет её? Эта мысль вонзилась в неё как жало пчелы, тоненькое и острое.

И была очень неприятна.

Но к тому же поразительна. Если мама Мини рассказывала ей всё, означает ли это, что их мамы были знакомы? Они общались? Если да, то почему Ару ничего не знала?

Взгромоздившись на миртовое дерево, Буу стал чистить перышки.

– Итак, объясню, как туда попасть, – начал он. – Вы...

– Мы что, не поедем на машине? – тут же спросила Мини.

Ару нахмурилась. Она мало понимала в магии, но ей казалось, что до Иномирья вряд ли можно добраться на автомобиле.

Буу покачал головой.

– Слишком опасно. Спящий ищет вас.

По рукам Ару побежали мурашки.

– Почему? – спросила она. – Я думала, он просто хочет разбудить бога разрушения. Какое ему до нас дело?

– Ему нужно ваше оружие, – сказал Буу. – Бог разрушения находится в небесной сфере, которую можно пробить только бессмертным средством вроде него.

У Ару начала болеть голова.

– Подожди. Получается, нам нужно оружие, чтобы защитить наше оружие, чтобы оно не стало... оружием?

– Но у нас нет никакого оружия! – воскликнула Мини. – По крайней мере, у меня. – Она побледнела. – А что, должно быть? У тебя есть? А сейчас уже поздно приобрести его? Оно должно быть каким-то особенным, как специальный карандаш для итоговых тестов или...

– ТИХО! – закричал Буу. – Всё-таки хорошо, что пока вы безоружны. Что же касается того, *где* вам его вручат, пожалуй, я предоставлю это решать Совету стражей. Они будут ждать нас в Иномирье.

Он спустился с дерева и, медленно вышагивая по кругу, несколько раз клюнул что-то на земле.

– Ключ к Иномирью где-то поблизости. Вам нужно схватить что-то невидимое. Представьте, что это нить надежды. Всё, что нужно сделать – это найти и потянуть за неё. Проще простого!

– Найти нить надежды? – переспросила Ару. – Но это, наверное, так сложно...

– Если бы это было просто, все могли бы попасть туда! – возразил Буу.

Мини поправила на носу очки, а потом вытянула руки вперед и пощупала воздух, осторожно, как будто он мог её укусить. Ничего не произошло.

– Советую вам смотреть по сторонам, – сказал Буу. – Обычно именно там можно найти большинство входов в иной мир. Надо одновременно смотреть и не смотреть, верить и не верить. Вход где-то посередине, в междумирье.

Ару попробовала. Она стала смотреть по сторонам и почувствовала себя ужасно глупо, как вдруг – невероятно! – увидела что-то наподобие светящейся нити, висящей посреди пустой улицы.

Мир замер. Все прекрасные дома были одновременно

близко и на миллион лет далеко. Ару подумала, что, если бы она сейчас протянула руку, её пальцы встретились бы с тонким стеклом.

– Как только ухватите междумирье, тут же закройте глаза.

Мини послушалась, Ару последовала её примеру. Она вытянула руку, ничего не ожидая, но отчаянно *желая, чтобы что-нибудь произошло.*

Сначала пальцы ничего не могли нащупать, а потом... она почувствовала поток тепла и сразу вспомнила лето. Все те редкие-прередкие дни, когда мама брала её с собой на озеро. Местами там были холодные участки, но иногда её захватывали тёплые закручивающиеся водовороты, и прогретая солнцем вода струилась лентами вокруг Ару.

Правда, порой случалось, что кто-нибудь писал в воду рядом с ней. Это было хуже всего.

Сейчас внутри возникло такое же чувство (тепла, а не того, что кто-то пишет).

Ару схватила невидимую струю, и тут же её ладонь наткнулась на что-то твёрдое.

Дверная ручка.

Ну, не совсем она, скорее, нечто волшебное, что старалось быть максимально похожим на дверную ручку.

Она была металлическая и холодная, при этом извивалась и пыталась вырваться. Когда Ару сжала ручку чуть сильнее, та возмущённо пискнула. Тогда Ару сконцентрировала все свои мысли на одной команде: «*Впусти меня*».

Ручка издала хриплый звук.

Ару потянула её на себя.

И в тот же миг там, где только что были дорога, скрюченное миртовое дерево и слегка покосившийся почтовый ящик, возникла стена света.

Буу шелестел крыльями где-то за спиной. Все трое прошли через световой занавес (точнее, голубь не прошёл, а решил устроиться на голове Ару). Глаза медленно привыкали к свету. Сначала она могла различить только сверкающий, испещрённый яркими точками потолок. Они находились в гигантской пещере, усеянной звёздами, а мимо них пролетали крошечные огни.

– Пчёлы! – заорала Мини.

Ару зажмурилась. Это были не огоньки и не пчёлы, а мотыльки с огненными крыльями. Каждый раз, как один из них пролетал мимо, она слышала тихий смех.

Стены окутывал мрак. Из пещеры не было дверей, ведущих внутрь или наружу. Они словно находились внутри пузыря.

Ару рассмотрела странный пол: грязновато-белый и слегка вздутый. Плитки отличались по длине. И действительно, чем больше она смотрела на них, тем больше они напоминали...

– Кости! – произнёс голос перед ними. – Вам нравится? Я коллекционировал их много лет. По ним очень удобно ходить, но не стоит забывать про зубы: некоторые из них, осо-

бенно резцы, очень острые.

Ару вздрогнула. Мини полезла в рюкзак и вытащила оттуда ингалятор.

Маленькие светящиеся мотыльки стали собираться в какую-то фигуру в темноте. Один за другим они взмахивали крыльями и замирали, как пуговицы, на ком-то невидимом, стоящем во мраке. Фигура становилась всё отчётливей.

Теперь она напоминала крокодила, обмотавшегося рождественской гирляндой с лампочками, с той лишь разницей, что этот был ярко-синий и размером с трёхэтажный дом. Крокодил улыбался: то ли радостно, то ли – и на этой мысли Ару уже начала паниковать – плотоядно.

Глава 7

Совет стражей

– Пожалуйста, не ешьте нас, пожалуйста, не ешьте нас, пожалуйста! – скороговоркой выпалила Мини.

– Есть вас? – повторило существо изумлённо. Его глаза расширились от удивления. Они напоминали Ару глаза насекомого: странные призмы, похожие на телевизионные экраны. – Вы не выглядите съедобными. Простите, не хотел показаться грубым.

Ару ничуть не обиделась, но решила, что лучше этого не

показывать.

Буу слетел с её плеча.

– Макара, страж проходов между мирами.

Ару вытаращила глаза. Настоящий Макара? Она видела их на картинках, но только в виде крокодилообразных статуй, охранявших храмы и двери. Считалось, что богиня реки Ганг плавала на таком по воде. Ару не была уверена, к какой категории их отнести: к мифическим лодкам или собакам стражей. Судя по тому, как приветливо этот Макара вилял хвостом, она склонялась ко второй.

– Пропусти братьев Пандавов нового поколения, – заговорил Буу.

Макара нахмурился.

– Они больше похожи на сестёр.

– Да-да, я это и хотел сказать! – с досадой произнёс Буу.

– Подожди... я узнаю тебя, – медленно произнес Макара, наклонив голову и разглядывая Буу. – Ты сильно изменился.

– Да. Это случается, когда ты был... – Окончание фразы превратилось в неразборчивое бормотание. – Герои прибыли, чтобы встретиться с Советом стражей и узнать детали испытания, – добавил голубь.

– А, ещё одна вероятность конца света? Восхитительно! Надеюсь, посетителей станет больше. Их обычно так мало. О-ох! Мне кажется, я не открывал двери в зал Запросов уже... да, очень давно. Даже забыл, сколько лет прошло! У меня всегда были проблемы с математикой, – добавил Ма-

кара смущённо. – Каждый раз, когда мне нужно что-то посчитать, я сбиваюсь. Даже когда разговариваю, иногда это... это... – Макара прикрыл глаза. – Что-то я проголодался. Можно я пойду?

– Макара! – грозно крикнул Буу, и тот согнулся в поклоне до самой земли. – Открой дверь в Небесный суд.

– О да, конечно, открою! – поспешно ответил Макара. – Но сначала мне нужно проверить, те ли они, за кого ты их выдаёшь. Повтори ещё раз, кто они или что. Видишь ли, я никогда раньше не видел мышей-полёвок – только читал про них на днях в книге про животных. Это мыши-полёвки?

– Люди, – не вытерпела Ару.

– Довольно мелкие для людей. Ты уверена, что вы всё же не мыши-полёвки?

– Мы ещё просто не выросли, – сказала Мини. – Но мой педиатр считает, что, возможно, я буду не выше полутора метров.

– Полтора, говоришь? – спросил Макара, рухнул на спину и задрал коротенькие ножки. – По-моему, метр двадцать гораздо удобнее. С полутора метрами трудно удерживать равновесие. Но это моё мнение.

Макара приподнял голову, как будто увидел то, чего не заметили другие. Что-то вспыхнуло в его глазах-призмах. И Ару разглядела там себя, открывающую двери музея, чтобы впустить Поппи, Ариэль и Бёртона, и огонёк зажигалки, касающийся фитиля на лампе.

А затем в глубине взгляда Макары что-то блеснуло. Ару увидела, как Мини обнаружила своих родителей, застывших в позе сидя на диване. На экране телевизора продолжали показывать фильм. Мальчик старше Мини, наверное, её брат, замер, подкидывая в воздух баскетбольный мяч.

Сначала она свернулась клубочком на полу в гостиной и долго плакала. А потом, через несколько минут, встала, пошла наверх и вытащила рюкзак. Посмотрела на себя в зеркало, достала мамину подводку для глаз и нарисовала себе боевые полоски на щеках. Затем Мини поцеловала своих неподвижных родителей, обняла застывшего брата и вышла из дома, готовая к встрече со злом, которое ей предстояло победить.

Несмотря на боязнь пчёл и аллергию, Мини казалась очень храброй.

Лицо Ару вспыхнуло. По сравнению с этой девочкой она совсем не была смелой.

– Они те самые, за кого себя выдают, – сказал Макара. – Надеюсь, Совет мне поверит.

– Мне тоже, – фыркнул Буу. – Ведь я никогда не вру.

Жаль, что Ару не могла сказать того же о себе.

Мини вдруг уставилась на неё:

– Так это ты зажгла лампу?

Ну вот, сейчас последуют обвинения.

– То есть... я знаю, что это должно было случиться, – зата- раторила Мини, испугавшись, что обидела Ару. – Мама го-

ворила, что Спящий всегда хотел напасть на нас. Не волнуйся, я не сумасшедшая. Конечно, ты не могла знать, что произойдёт.

На самом деле Ару знала, что ей нельзя зажигать лампу. Но проблема в том, что мама никогда не объясняла ей, почему. Поэтому Ару всегда считала, что это один из тех родительских запретов, которые обычно дают детям, вроде *«Не выходи без солнцезащитного крема, а то сгоришь»*. Или, как любила ей напоминать женщина, которая вела воскресный лагерь при индуистском храме, *«Не выходи без солнцезащитного крема, а то твоя кожа станет ещё темнее и ты никогда не найдёшь мужа!»*. Пока ничего не случилось, кого волнуют такие запреты? Ару никогда не сгорала, да и зачем вообще нужен муж, если тебе всего двенадцать?

Но от демонов никаким защитным средством не уберёшься. То есть всё сводилось к одному: она не должна была зажигать лампу и всё-таки зажгла её. То, что это было предопределено, не освобождало Ару от ответственности. Её даже начало мутить от чувства вины, и так сильно, что, пожалуй, могло вырвать.

Яркий мотылек запорхал перед Ару, Мини и Буу. Его крылья начали расти, и в воздух взвилась тонкая струйка лунного света, как будто кто-то выводил им буквы каллиграфическим почерком. Крылья раскрывались и растягивались, пока полностью не накрыли девочек и голубя.

– До свидания, несъедобные крошечные люди и Субала! –

крикнул Макара им вслед. – Пусть все двери, которые встретятся в вашей жизни, открываются перед вами и никогда не бьют вас с тыла, когда закрываются!

Мотылек исчез, и они обнаружили, что находятся в открытой со всех сторон комнате. Никаких сомнений, это и был Небесный суд. Небо над ними казалось мраморным от облаков, а стены – словно вылиты из лент блестящего света. В комнате играла тихая музыка. В воздухе разливался богатый и зрелый аромат земли после летнего ливня. Ару хотелось, чтобы в мире всегда пахло только так, а ещё мёдом, мятой и зеленью.

Стоявшая рядом с ней Мини вдруг застонала:

– Я говорила тебе, что у меня акрофобия?

– Ты что, боишься пауков?

– Нет! Это арахнофобия. А я боюсь высоты!

– Высоты?

Ару взглянула вниз и тут же об этом пожалела. Теперь стало понятно, почему у неё было чувство, что они парят над землёй: они действительно парили. Прямо под её ногами дрейфовало два клочка облаков, а под ними простиралось бесконечное небесное пространство.

– Не снимайте облачные тапочки, – велел Буу, кружась над ними, – а то случится беда.

Мини всхлипнула.

– Так что, здесь и собирается Совет?

– Они встречаются по вторникам и четвергам, при полной

и новой луне, а ещё на первую и последнюю серии каждого сезона «Игры престолов».

Кстати о престолах... Семь огромных королевских тронов парили в воздухе вокруг них. Все они были сделаны из золота, кроме одного, который выбивался из круга: облезлого и покрытого ржавчиной. Ару могла различить только несколько букв, выбитых на нём: у-а-л-а.

Остальные имена читались легко. И, когда Ару произнесла их все вслух, она чуть не задохнулась от удивления. Девочка помнила их по рассказам, которые слышала, и по предметам, что мама привозила для музея.

Там было имя Урваши – апсары, божественной певицы и танцовщицы, с чьей красотой никто не сравнится. Ещё там был Хануман с обезьяньим лицом – знаменитый хитрец и плут, который помог богу Рама в борьбе против короля демонов. И Улупи – царица змей, и Сураза – царь медведей, Джамбаван, Кубера – бог богатства. Люди поклонялись этим бессмертным стражам, но держались особняком от основной лиги богов и богинь.

Когда Буу говорил о Совете, Ару представляла строгих вожатых в детском летнем лагере, а вовсе не героев мифов и легенд, поселившихся в её голове ещё в младенчестве. Урваши была царицей небесных нимф, а Хануман – сыном бога ветра и могущественным полубогом.

Теперь Ару по-настоящему пожалела, что на ней пижама с Человеком-пауком. Это напомнило ей самый страшный

ночной кошмар, в котором она шла по красной ковровой дорожке какой-то мировой кинопремьеры в шляпке из алюминиевой фольги и в милых резиновых сапогах. *Почему с ней всегда происходит такое?*

Она оглянулась на Мини.

– По шкале от одного до десяти насколько плохо я выгляжу? «Десять» означает «сожги свою одежду».

– Но тогда на тебе ничего не останется! – ужаснулась Мини.

– То есть хочешь сказать, что я выгляжу ужасно, но «в чем мать родила» будет ещё хуже?

Молчание Мини было красноречивее, чем «АГА».

– Пижама лучше голой кожи, – сказал Буу, – если только это не кожа, снятая с демона. Такой наряд подойдёт герою.

Носить на себе тяжёлую вонючую кожу какого-то чудища?

– Мне подойдёт и полиэстер, – сказала Ару.

– Полли Эстер? Ох, несчастное дитя! – вскричал Буу. Для голубя он выглядел слишком взволнованным. – Ученики средней школы невероятно жестокие!

Видя, что разговор превращается из просто глупого в совершенный абсурд, Мини решила сменить тему.

– Почему некоторые троны видны только наполовину?

Ару внимательно посмотрела на троны: некоторые и правда были частично прозрачными.

– Здесь не должны присутствовать все стражи Совета од-

новременно, – объяснил Буу. – Да и зачем, если мир вне опасности? Никто же не думал, что лампу зажгут в ближайшие десять-двадцать лет. Они считали, в запасе ещё уйма времени, чтобы подготовиться к приходу Спящего. Пока кое-кто... – он бросил грозный взгляд на Ару.

Та заморгала с невинным видом. *Кто, я?*

Мини, стоявшая рядом, наконец посмотрела вниз и тут же покачнулась.

– Меня сейчас стошнит, – простонала она.

– О нет, даже не смей! – сказал Буу, подлетел к её лицу и клюнул в нос. – Вы двое не заставите меня краснеть перед Советом стражей. Выпрямите спины! Пригладьте перья! Клювы вверх!

– А что сейчас будет? – спросила Ару.

Обычно она не любила встречаться с новыми людьми. Но ведь Урваши и Хануман не были просто людьми, да и сказочными героями, оказывается, тоже: они существовали на самом деле.

– Это входит в обязанности Совета – дать вам испытание. Спящий на свободе, и он пытается заполучить оружие, которое поможет ему разбудить бога разрушения. Вы должны найти оружие первыми.

– Сами? Одни? – спросила Мини.

– У вас буду я, – заявил Буу.

– Прекрасно. Кто лучше оруженосца-голубя скажет: «Сразимся же, демон!» – съязвила Ару.

– Как грубо, – обиделся Буу.

– Всё не так уж плохо, – сказала Мини с деланой улыбкой. – Но разве Совет не должен помогать нам?

И тут Ару услышала чей-то смех, похожий на звон хрустальной люстры.

– А почему я должна помогать вам? – спросил серебряный голосок. Раньше воздух был наполнен запахом летней грозы, теперь же возникло чувство, что все цветы, которые только есть на свете, смешали в один аромат. Этот запах не был приятным. Он казался невыносимым.

Ару обернулась и увидела самую красивую женщину на свете, которая сидела на троне с надписью «Урваши».

На ней красовались чёрные легинсы и сальвар камиз, который выглядел бы как самый обыкновенный белый хлопковый наряд, если бы не был соткан из сверкающего лунного света. Её лодыжки опоясывали яркие бангрюйские танцевальные колокольчики.

Она была высокая, темнокожая, а волосы носила заплетёнными набок в толстую косу, поэтому выглядела так, будто только что вернулась с репетиции по танцам. Возможно, так оно и было, учитывая, что она являлась главной танцовщицей на небесах.

– И вот *это* ты притащил сюда, чтобы спасти нас? С таким же успехом я сама могу поджечь себя и избавить бога разрушения от беспокойства.

Ару не сразу сообразила, что Урваши разговаривает не с

ней и Мини. Она обращалась к Буу.

Слева от небесной танцовщицы послышался глубокий, могущественный смех.

– Ты всё ещё продолжаешь сердиться на него, да? Прошел уже миллион лет, с тех пор как он испортил твой наряд.

В тот же миг на троне материализовался обезьяний полубог Хануман. На нем были серебряный блейзер и рубашка, украшенная листьями деревьев. Сзади с трона свисал хвост, а в одном ухе висело украшение, напоминающее маленькую корону.

– Это был не просто наряд, ты, огромная макака, – огрызнулась Урваши. – Его сделали из пропущенных ударов сердец всех людей, которые когда-либо смотрели на меня. Я шила его несколько веков, и Субала знал это!

– Он – птица, что ты от него хочешь? – спросил Хануман.

– Нет, не птица! – закричал Буу. – Тебе это известно!

Ару так увлечённо следила за их спором, что не заметила, как Мини дёрнула её за рукав. Она показывала на блеклый трон с сохранившимися буквами «у-а-л-а».

Теперь Ару догадалась, каких букв там не хватает: «С» и «б» – Субала. Значит, Буу являлся одним из стражей. Но он отличался от остальных: не сиял и не казался могущественным. Да и трон его был выдвинут из общего круга. Что же случилось?

– Вы знаете, почему я здесь, – сказал Буу стражам. – Это избранные герои нашего времени.

Урваши наморщила нос.

– Отлично, теперь из наставников и помощников воинов-спасителей мы превратились в нянек? Спасибо, но это без меня.

Ару вспыхнула.

– Мы не дети!

– Хм... вообще-то, мы всё же дети, – возразила Мини.

– Мы подростки.

– Это то же самое, просто другое название.

– Да, но звучит лучше, – пробормотала Ару.

– Как бы вы себя ни называли, для меня очевидно только одно, – произнесла Урваши. – Вы... не... стоите... моего... времени, – она стукнула по подлокотнику трона, а потом перевела взгляд тёмных глаз на Буу. – Скажи честно, как ты мог привести сюда двух малолетних смертных?

– Обычным маршрутом, – фыркнул Буу. – И они не малолетние смертные. У них души Пандавов. Я в этом несколько не сомневаюсь.

– Если они действительно Пандавы, тогда мне нравится эта ирония судьбы, что именно тебе выпало помогать им. – Смех Урваши напоминал звон танцевальных колокольчиков. – Но я тебе не верю. Души братьев не просыпались со времён войны Махабхарата. Почему они вдруг пробудились именно сейчас?

Ару почувствовала покалывание по всему телу – такое с ней случалось, когда она была в ярости.

– Потому что Спящий проснулся, – встряла она в разговор. – И нам нужна помощь, ибо мы хотим спасти наши семьи.

Мини, стоявшая рядом, мрачно кивнула.

– Поэтому вы должны выдать нам оружие и сказать, что с ним делать, – продолжила Ару.

Хануман гордо смотрел на них.

– Спящий?

Его хвост выпрямился.

– Значит, случилось то, чего мы боялись, Урваши. Всё, что мы видели, – его рук дело.

Небо исчезло под ногами Ару. Воздух задрожал, по нему прокатилась волна помех, и вот уже обе девочки оказались на гигантском телевизионном экране. Хануман провел по нему рукой, и перед ними появилось изображение.

Сначала они увидели улицу, примыкающую к Музею искусства и культуры Древней Индии. Она словно застыла, а в воздухе замер поднятый ветром лист. Единственное, что двигалось на экране, – облака. Было тихо, но эта тишина казалась гнетущей. Она напоминала тишину на кладбище: так же одиноко, мрачно и безлюдно.

Затем они увидели вторую сцену: улица на окраине города, где они впервые встретили Мини. Два мальчика заморозились во время спора о книжке с комиксами. Девочка, игравшая в баскетбол, подпрыгнула к кольцу и замерла в прыжке, сжимая мяч изо всех сил.

Мини вскрикнула.

– Мои соседи! С ними всё в порядке? Вы же знаете, если не пить в течение двенадцати часов, то можно умереть. Как же...

– Замороженные ничего не чувствуют, – перебил её Хануман. – Но если Спящего не остановить до зарождающейся луны, им будет плохо.

У Ару запершило в горле. Все эти люди, которых она даже не знала... Они пострададут из-за неё.

– Спящий идёт за нами по пятам, – мрачно сказал Буу. – Следит за каждым шагом, знает, где мы только что были.

– *Следит* – это слишком невыразительное слово для того, что он делает. Он *охотится*, – ответила Урваши.

Холод пробежал по спине Ару. Но что-то не сходилось. Если Спящий искал их, почему же он просто не остался в музее, когда Ару зажгла лампу?

Конечно, он искал их, ей не хотелось говорить «охотился» – всё-таки она девочка, а не кролик, – но при этом у него имелся какой-то план. По крайней мере, если бы она была демоном, она сначала составила бы план. Когда твой враг выслеживает тебя, надо держать его в неведении. Это как игра в шахматы: совершай самые непредсказуемые ходы и, чтобы добраться до цели – короля, сначала устрани защитников.

– Что-то ещё произошло? – спросила Ару.

Урваши брезгливо поджала губы.

– Кроме того, что мир постепенно замораживается, ты об

этом? – усмехнулась она.

Но Хануман всё понял. Он выпрямил хвост и щёлкнул им.

– Ездовой транспорт... – произнёс он медленно. – Ездовой транспорт богов и богинь исчез.

Ару знала из маминых историй, что, когда Хануман говорит «транспорт», он имеет в виду не машины и велосипеды. Речь идёт об особых верховых животных, на которых передвигаются боги. Ганеша, бог благополучия с головой слона, ездил на мыши (Ару всегда думала, что эта мышь должна быть очень мускулистой). Богиня удачи, Лакшми, летала на сове. Индра, царь богов, сидел верхом на волшебной семиглавой лошади.

– Теперь Спящий хочет заморозить небеса, – сказала Урваши, и её глаза расширились, – и намеревается отрубить нам ноги... Но если он действительно пробудился, то почему небесными агентами должны быть *они*? – Она махнула рукой в сторону Ару и Мини.

Мини крепче вцепилась в свой рюкзак. Но, в отличие от Ару, она не сияла от гордости. Её глаза выглядели так, будто она вот-вот заплачет.

– Потому что мы – Пандавы, – проговорила Ару, стараясь, чтобы голос не дрожал. – И это ваша работа или...

– *Дхарма*, – подсказал шёпотом Буу. – Их священная обязанность – помочь Пандавам сразиться со Спящим в последний раз.

Сразиться? В последний раз? Это было новостью даже для

Ару, но она не подала виду. Даже лица стражей стали решительными и серьёзными после этих слов.

– Точно, так и есть, – сказала Ару. – Поэтому вы должны нам помочь.

– Неужели? – произнесла Урваши. Её голос казался до жути спокойным. – Если вы – Пандавы, докажите это.

Хануман привстал на троне.

– Мы никогда никого не принуждали проходить Запрос, если они не были готовы.

– Только настоящие Пандавы всегда готовы к проверке! – возразила Урваши.

Хануман посмотрел на девочек сверху вниз.

– Но они ещё дети...

– Согласно правилам, – сказала Урваши с жестокой улыбкой, – стражи, которые присутствуют на Совете, должны прийти к единогласному мнению, что перед ними – полубоги. Я не пришла к такому убеждению. И если они – всего лишь дети, пусть не беспокоятся.

Ару уже собиралась заговорить, но её опередили.

– Я могу доказать, – воскликнула Мини, сжав руки в кулаки.

Ару почувствовала гордость за храбрую Мини, но Буу, кажется, не разделил её энтузиазма. Он перелетел на свой бывший трон, и его физиономия стала мрачной и серьёзной, как у самого обычного голубя.

– Да начнётся Запрос! – объявила Урваши.

Зал Небесного суда уплыл во мрак. Там, где раньше по кругу стояли троны, теперь возникло пять гигантских статуй. Если бы они не были на небе, Ару сказала бы, что их головы доставали до облаков.

Сердце девочки учащенно забилось, и вся её прежняя уверенность в собственных силах куда-то улетучилась.

– Вы всё время твердите про «Запрос», но что конкретно мы будем запрашивать? Страховки? Налоговые выплаты? – расспрашивала Мини и, заметив недоумённое выражение лица Ару, пояснила: – Что? Моя мама – адвокат по делам налогообложения.

– Вам не нужно ничего «запрашивать», – сказал Буу. – Это будут делать боги. У каждого из братьев Пандавов были разные отцы. Сейчас мы и выясним, кем являются ваши.

Из рассказов мамы Ару помнила, что из пяти основных братьев трое – Юдхистира, Арджуна и Бхима – были сыновьями бога смерти, бога небес и бога ветра соответственно.

Близнецы Пандавы – Накула и Сахадева – родились по благословию Ашвинов, божественных близнецов, богов медицины и заката. А ещё один, Карна, тайный Пандав, приходился сыном богу солнца.

Ару не очень понимала, почему их всех называли братьями, если у них даже не было общей матери, но, возможно, это то, о чём говорил Буу: необязательно состоять в кровном родстве, чтобы быть братьями или сёстрами. Нужно лишь духовное (то есть общее божественное) происхождение, и

оно не хуже родства по крови. Ну, или что-то в этом роде.

– Подожди. Так они что, спустятся с небес, оценят нас и скажут: «О, это, кажется, моя»? – спросила Ару.

– А как насчет документов? – завопила Мини тоненьким голоском, в котором явно чувствовалась паника. – Всё будет в устной форме или нас будут колоть иглками, как в тесте на установление отцовства?

Даже если бы Буу знал ответ, делиться им он всё равно не стал бы. Проигнорировав их вопросы, он прошествовал к одной из гигантских статуй.

– Делайте *пранама*, когда я назову имена богов, – велел он.

Пранама – это поклон, в котором вы касаетесь ног старших. Ару делала такие, когда ходила в храм и встречала священника, или кого-нибудь намного старше себя, или очень уважаемого.

– Я всегда делаю эти поклоны, когда к нам приезжают родители мамы, – прошептала Мини. – У моего дедушки очень волосатые ноги...

– А как насчет родителей папы? – спросила Ару.

– Они филиппинцы. Моя лола¹ не любит, чтобы ей трогали ноги, если только не для массажа ступней...

– Ш-ш-ш! – шикнул на них Буу.

– А как мы поймём, что один из богов запрашивает именно нас? – спросила Ару.

¹ Lola – бабушка (*филипп.*)

– Легко: они решат оставить вас в живых.

– ЧТО? – заорали одновременно Мини и Ару. Стены из полосок света начали мигать.

– Не волнуйтесь, – отмахнулся Буу. – Я лишь однажды ошибся, и человек оказался не Пандавом. – И этого человека...

– Осторожно! – закричала Мини, отталкивая Ару.

Полоски света превратились в пучок крошечных ярких пятен, похожих на звёзды. А затем они приблизились, и Ару поняла, что перед ней вовсе не звёзды.

Это выглядело как... *наконечники стрел.*

И они были направлены прямо на них!

Глава 8

Кто твой папа?

Ару видела множество фильмов. Может быть, даже больше, чем следовало. Не то чтобы это её волновало. Если верить кинематографу, в тот момент вся её жизнь должна была промелькнуть перед глазами, а люди должны были обступить её и рыдать: «Останься с нами! Не иди на свет в туннеле!»

Чем ближе подлетали стрелы, тем больше они становились. Они рассекали воздух со звуком, который был чем-то средним между свистом и дребезжанием.

Взгляд Ару метался по совершенно пустому небу. К чёрту правила кино! Сейчас она последовала бы за чем угодно, даже за подозрительно ярким светом в конце туннеля, лишь бы выбраться отсюда.

И вдруг дождь из стрел прекратился, как будто кто-то нажал на кнопку паузы.

– Не волнуйтесь, – заверил их Буу. – Они не тронут вас до тех пор, пока вы не выкажете уважение к пяти старшим богам Махабхарата.

Ару и Мини стояли, съёжившись и прижавшись друг к другу, с ужасом глядя на трепещущие прямо над их головами стрелы. Может быть, это всего лишь воображение, но стрелы показались разгневанными, словно злились, что придётся ждать позволения вонзиться в девочек.

– Что ж, ладно, – согласилась с голубем Ару.

– Дхарма Раджа, мы поклоняемся тебе, – произнес Буу глубоким голосом.

В тот же миг перед ними появилась статуя Дхармы Раджи, бога смерти и справедливости. Он был сер, как пепел, а изо рта у него торчали два острых клыка. В одной руке он держал палку дэнда, прут, которым наказывал души в загробном мире. В другой – верёвку, которой связывал души мёртвых. Сердце Ару учащённо забилося, когда она вспомнила, кто из Пандавов приходился ему сыном. Юдхистира. Он был старшим из братьев и славился своим благородством, мудростью и справедливостью.

Ару не очень-то хотела, чтобы Дхарма Раджа оказался её отцом и её считали самой мудрой и справедливой: чересчур тяжкое бремя.

– Пранама! – прошипел Буу.

Мини и Ару склонились перед статуей и коснулись её ног.

– Царь Индра, – провозгласил голубь.

Перед ними возникла статуя Индры, небесного царя. Его кожа была цвета бури. В руке он держал оружие, ваджру, в виде молнии. Нет, Ару никак не могла быть его дочерью. Его сын – Арджуна Победитель. Из всех братьев Пандавов он стал самым знаменитым, потому что совершил больше всего подвигов, к тому же мастерски владел луком и стрелами. Если мудрость и справедливость – тяжкое бремя, то представьте себе, каково это – быть величайшим героем за всю историю человечества.

«Нет уж, спасибо», – подумала Ару.

– Бог Ваю.

Хм, а это было бы неплохо.

От Ваю, бога ветра, веяло лёгким бризом. Он был темнокожим и походил на красавца кинозвезду из индийского фильма. Он держал вращающийся флаг с изображением направлений ветра. Его сыном Пандавом являлся Бхима Сильный, который славился своим невероятным аппетитом, суперсилой и крутым нравом. *«Ну, с этим, – подумала Ару, – я как-нибудь справлюсь»*.

– Ашвины Насатья и Дасра.

Две статуи с головами лошадей начали светиться. Бог рас-света и заката и бог медицины. Их Пандавы-сыновья, Накула Прекрасный и Сахадева Мудрый, тоже были близнецами.

«Ничего не имею против красоты», – подумала Ару.

Её не покидали дурные предчувствия, что вся эта магия до добра не доведёт.

Мини и Ару поклонились каждому божеству. Когда они совершили последний поклон пранамы, то встали спинами друг к другу в окружении богов. Ару слышала, как над ними свистели стрелы. Они подрагивали, но не как листья, готовые сорваться с дерева, а как взбесившийся зверь, который дрожит от нетерпения, страстно желая наброситься и растерзать. Только сейчас Ару вспомнила уверения Буу, что стрелы не тронут их, пока они не закончат пранаму.

Вообще-то, уже закончили.

И тут воздух пронзил резкий звук, как будто кто-то уронил пригоршню швейных игл, и к ногам Ару упала стрела. Мини вскрикнула.

Ещё несколько стрел обрушилось на землю. Но не все сразу – это было бы слишком просто.

Похоже, кто-то испытывал богов. *Ну, кто из этих детей вам нравится? Кого хотите спасти? Даю минуту на размышление.*

Ару закрылась руками, глядя на происходящее сквозь пальцы, как вдруг к ней подлетела Мини.

– Беги! – закричала она и попыталась выпихнуть её из круга.

Ару отступила назад и оглянулась: целый пучок стрел пронзил то место, где она только что стояла.

– Стой и не двигайся! – заорал Буу.

– И кто, интересно, будет стоять, когда в него летят стрелы?! – возмутилась Ару.

– Как кто? Бог, – ответил Буу.

– Но мы-то не боги, – возразила Мини.

– А, верно.

Мини приподняла рюкзак и придвинулась ближе к Ару.

– Надо спрятаться, – шепнула она.

Но какой в этом смысл? Стрелы всё равно найдут их.

Ару взглянула на статуи и их холодные, бесстрастные лица. *Им что, всё равно?* Девочка попыталась поддеть с пола каменный палец одной из них, чтобы пнуть монумент на стрелы. Это, конечно, вряд ли помогло бы, но не стоять же тут без дела? Каменный палец не поддался.

А перед ней обрушилось ещё несколько стрел: одна – в сантиметре от мизинца, другая просвистела у самого уха. Теперь они напоминали стаю летучих мышей.

– Хватит! – простонала Мини, хватая рюкзак, и прижимаясь к каменным ногам Ваю.

Ару приготовилась к худшему.

Стрелы, медленно вращаясь, подлетали всё ближе, обдавая лицо ветром.

Девочка выставила руку, зажмурилась и закричала:

– СТОП!

Свист и дребезжание смолкли. Ару широко открыла глаза и поняла, что всё ещё жива и стоит с вытянутой вперед рукой. «*Неужели я сама остановила стрелы?*», – подумала девочка и тут же увидела, что её спасло: сетка. Она потрескивала и мерцала так, будто была сплетена из разрядов молний.

Ноги Ару больше не касались земли. Она парила в воздухе, окружённая ореолом света. В то же мгновение у неё появилось два странных желания.

Первое: спеть песню «Круг жизни» из мультика «Король Лев». Второе: стошнить.

Но когда тебя держит в воздухе невидимая сила, ты отмечаешь такие варианты.

Ару огляделась по сторонам и с удивлением заметила, что стрелы исчезли, а статуи поменялись местами. До этого она стояла напротив бога ветра, теперь на неё сверху вниз взирал Индра, бог грома. Его лицо по-прежнему было каменным. Но выражение, с которым он на неё смотрел, изменилось: вместо полного безразличия божество взирало на неё с любопытством. Как будто до него только что дошло, кто такая Ару.

Его дочь.

Она, Ару Ша, была дочерью Индры – царя небес.

Глава 9

Три ключа

Многие индуисты не едят говядину. Так же как некоторые одноклассники Ару, которые были иудеями или мусульманами, не ели свинину. Каждый раз, когда в школе подавали гамбургеры, ей приходилось жевать ужасно жёсткие шампиньоны, которые на вид, да и на вкус, наверное, тоже напоминали шкуру динозавра. Все ученики смотрели на неё с сочувствием.

– Вот отстой. Гамбургеры – это самое вкусное блюдо на

свете! Ты же упустишь шанс нормально поесть, – говорили они.

Ару с ними не соглашалась. Вкуснее всего на свете была пицца. К тому же как она могла упускать то, чего у неё и так никогда не было?

Может, так же и с папами? Ведь им с мамой прекрасно жилось вдвоём (если вам, конечно, это интересно).

Хотя, вообще-то, папа – это не гамбургер. От еды можно было бы отказаться...

Но никто не спрашивал Ару, хочет ли она отказаться от папы.

Когда она начинала думать об этом, её охватывала злость. Как только он мог их бросить?! Ару считала себя классной девчонкой (правда, она не могла быть достаточно объективной). А мама...

Мама была красивой и утончённой. Но при этом она всё время грустила. Может, если бы папа находился рядом, она стала бы веселее. И от мысли, что кто-то посмел сделать её мать несчастной, Ару ещё больше злилась.

Но теперь, когда правда открылась, её будто молнией ударило. Как звучит, а? Обхохочешься. Она никогда даже подумать не могла, что Индра – её отец...

Или могла? Ну да, она любила грозу. Иногда, когда ей снились кошмары, непонятно откуда возникал гром, и молния освещала небо как будто специально для неё.

Неужели это делал Индра?

Но если он – её отец, то она, получается, – реинкарнация Арджуны, величайшего воина? Нет, Ару совсем на него непохожа.

Арджуна был благородным и... идеальным. Таких просто не бывает. Мама рассказывала ей, что полубог всегда отличался честностью и однажды даже провел двенадцать лет в лесу, чтобы сдержать данное им слово.

Как и у большинства древних правителей, у индийских царей было несколько жен. А вот женщины крайне редко имели больше одного мужа. И всё-таки случались исключения: в легенде о Дропади рассказывалось о прекрасной и благородной принцессе, которая вышла замуж за всех пятерых братьев Пандавов. Она провела по одному году с каждым из них.

Это гораздо лучше, думала Ару, чем если бы было наоборот. Только представьте себе, вы приходите домой и зовёте жену:

– Дорогая, ты дома?

А в ответ слышите:

– Да, дорогой!

– Да, дорогой!

– Да, дорогой!

– Да, дорогой!

– Да, дорогой!

Но у Пандавов было строгое правило: нельзя вмешиваться в личную жизнь Дропади, когда она с другим мужем. Од-

нажды Арджуну срочно вызвали сразиться с десятком демонов. Конечно, он тут же кинулся совершать подвиг, потому что у героев такая работа. Была только одна загвоздка: он забыл свой спецкомплект лука и стрел для подвигов в гостинной, где принцесса Дропади ужинала с одним из его братьев. Наказанием за вторжение стало изгнание. Конечно, следовало плюнуть на несчастных людей, пусть их растерзают демоны. Но Арджуна был не такой. Он нарушил запрет, и за это его сослали на двенадцать лет в лес.

Ару ненавидела эту историю. Он спокойно мог и не отправляться в ссылку. Тем более что брат и сама Дропади простили его, когда узнали, что ему всего лишь надо было взять стрелы и лук. И зачем он вообще потащился в гостиную? Мог бы постучать или крикнуть через дверь: *«Братишка, я там оставил лук со стрелами. Вынеси мне их, а?»*. В туалете так часто просят друга передать под дверью туалетную бумагу, если её не оказалось в кабинке.

Но Арджуна не стал этого делать. Как будто кому-то стало от этого лучше. Ару считала, что он просто убил часть своей жизни в этой ссылке.

Девочка взглянула на статую. Она, конечно, вряд ли была похожа на Арджуну, но, в целом, то, что её отец оказался небесным царем – не худший вариант, особенно учитывая, что она случайно вызвала конец света...

Сетка, сотканная из молний, которая до этого окружала её, исчезла. Теперь на её месте парил в воздухе золотой ша-

рик размером не больше мяча для пинг-понга. Заинтригованная, она потянулась к нему и, подхватив, стала крутить в руке. *Что за ерунда?* И тут же услышала громкие рыдания Мини.

Девочка сидела на облаке, прижимая рюкзак к груди. Статуя Дхармы Раджи сдвинулась с места и теперь нависала над ней. Палка данда была направлена на Мини, из неё вырывались стрелы и летели прямо к девочке.

– Смерть? – шептала она. – Я – дочь Смерти?

Если честно, Ару думала, что это круто. Только представьте: приходите вы на вечеринку, объявляете: «Я – ДОЧЬ СМЕРТИ!» – и лучший кусок торта вам гарантирован! К тому же когда ещё подвернётся случай сказать с вызовом: «Погодите, вот придёт мой отец...»

Но Мини рыдала в три ручья:

– Всё пропало. Я надеялась, что я – дочь одного из близнецов Ашвинов, бога медицины! Меня не примут в медицинский институт, если узнают, что я – дочь Смерти! – Она в отчаянии раскачивалась вперёд-назад.

Какая-то тень пронеслась мимо Ару. Подняв голову, девочка увидела Буу, который летал вокруг них. Правда, что-то с его тенью было не так... Такой не бывает у голубей. Она казалась... просто огромной.

Буу уселся Ару на плечо. Он взглянул сначала на неё, потом на Мини.

Затем ещё раз на неё.

Наконец голубь понял, что намекать бесполезно, и сказал:
– Иди и успокой её!

Тяжело вздохнув, Ару нехотя поплелась к Мини и, при-
мостившись рядом, положила руку ей на плечо.

– Что? – всхлипнула та.

Ару стала вспоминать, как обычно успокаивала сама себя.
Она старалась изменить ситуацию хотя бы в своем вообра-
жении, посмотреть на неё с другой стороны.

– Всё не так плохо, – начала Ару. – По легенде, Юдхишт-
хира тоже являлся сыном Дхармы Раджи, и никто не бегал от
него как от чумного. Наоборот, все шли к нему за советом,
потому что он был мудр, справедлив... и всё такое. А ещё его
считали хорошим царем. Может быть, наоборот, будешь пре-
красным врачом, потому что ты – дочь Смерти. Возможно,
сможешь предсказывать, если что-то должно пойти не так,
ведь будешь чувствовать смерть. Как собака!

Мини подняла голову.

А Ару продолжала:

– Только подумай: ты сможешь спасти гораздо больше лю-
дей, будешь прекрасным врачом.

Мини снова всхлипнула.

– Ты правда так думаешь?

Может быть.

– Я уверена, – сказала Ару. – Смотря как распорядишься
тем, что тебе дано. Я права, Буу?

Голубь только вздохнул.

– Вот видишь, Буу со мной согласен. А он никогда не врёт! Разве наш верный телохранитель даст нам плохой совет?

При этих словах взгляд Буу потеплел. Он слегка наклонил голову.

– Так и есть, – проговорил он мягко.

Мини поднялась. Она выдавила из себя еле заметную улыбку, без предупреждения бросилась к Ару и заключила её в крепкие объятия, при этом случайно прихватив и краешек крыла Буу, который тут же заверещал. Она обняла Ару ещё сильнее.

– Спасибо, – сказала девочка.

Ару замерла. Её никто никогда не благодарил, не говоря уже о том, чтобы обнимать за враньё. А может, она вовсе и не врала, а просто включила фантазию и посмотрела на ситуацию с другой стороны? Разве это плохо? Может, если она будет так делать и дальше, то сможет заводить друзей, а не терять их?

Ару обняла Мини в ответ.

В небе прогрехотал гром, заставив девочек отпрыгнуть друг от друга. Статуи духовных отцов Пандавов исчезли, и снова появился зал Небесного суда. Урваши и Хануман сидели на краешке трона, их глаза были широко открыты.

– Так это правда? – спросила Урваши, голос её звучал мягко и благоговейно. – Они действительно... Я хочу сказать... это правда они?

– Пандавы вновь пробудились, чтобы опять вступить в

бой, – проговорил Хануман, потирая подбородок.

– Не все, – поправила его Урваши, внимательно глядя на Ару и Мини, – только реинкарнированные души Арджуны и Юдхиштхиры.

– Но теперь, – произнёс Хануман мрачно, – если Спящий не остановится, остальные тоже проснутся.

Ару взглянула вниз, туда, где виднелась земля и можно было различить только островки деревьев и реки. Где-то там внизу жили ещё люди с душами Пандавов. Что они делали? Неужели их тоже заморозили? Понимали ли они хоть немножко, кто они такие на самом деле, как Мини? Или жили в полном неведении, как она сама?

– Остальные проснутся, только если будет необходимость. Вместе с наступающей темнотой пробуждается свет, – сказал Буу. – Даже во время хаоса мир старается найти равновесие.

– И в этом месте наш уважаемый Йода изрекает: «Делай или не делай, нельзя пытаться», да? – усмехнулась Ару.

Буу насупился.

– Если Спящий попытается разбудить бога разрушения, ему понадобится небесное оружие, – сказал Хануман. – Вы понимаете, что это значит, Пандавы?

– Нам надо уничтожить всё оружие, чтобы оно не досталось Спящему? – Этот вопрос Ару задала одновременно с вопросом Мини, который звучал несколько иначе: «Надо добраться до оружия первыми?»

– Да, или так, – кивнула Ару.

Хануман помрачнел ещё больше.

– Дочь Смерти права.

Ару не сразу сообразила, что обращение «дочь Смерти» адресовано Мини. А кто тогда она сама? Дочь Бури? Эта мысль вызвала только раздражение: что за дурацкая лошадиная кличка?

– Я расскажу про испытание, которое вам предстоит пройти. Но сначала покажите мне дары, которыми наделили вас боги, – сказала Урваши. – Если богам угодно, эти дары помогут вам в пути.

Дары? И тут Ару вспомнила про золотой мячик, появившийся перед ней, когда световая сеть Индры исчезла. Она опустила руку в карман пижамы и вытащила его.

– Вы про это?

На лице Урваши промелькнуло отвращение.

Мини порылась в рюкзаке и выудила оттуда маленькую фиолетовую пудреницу.

– Она появилась, когда... *Дхарма Раджа*, – Мини запнулась на имени отца, – позвал меня.

– Игрушка и зеркальце, – подытожила Урваши. Она обернулась к Хануману.

– Мне кажется, раньше герои получали боевых коней? Или боевое оружие? А как же мечи?

Может быть, Ару только показалось, но на лице Ханумана появилось неподдельное беспокойство.

– Лорд Индра и Дхарма Раджа энигматичны, – изрек он.

Мини нахмурилась:

– И что это значит?

– Думаю, это значит, что у них шершавая кожа, – предположила Ару.

– Ты путаешь с *экземой*.

– Это означает, – торжественно произнес Хануман, – что ваши отцы – загадочные и таинственные и никогда ничего не делают просто так. Эти дары помогут вам пройти испытание.

Ару почувствовала себя по-дурацки. Как мячик может помочь ей в схватке с демоном? Всё равно что пытаться остановить ложкой снежную лавину!

– Твоя правда, – сказала Урваши. – Наверное, это означает, что боги не хотят, чтобы мир спасся.

– Или же, – заворковал Буу, – это значит, что теперь нам нужны совсем другие герои.

– *Героини*, – еле слышно поправила его Мини.

Герои, героини... Какое отношение это имеет к Ару? Кажется, она совершила невероятно огромную ошибку, и теперь ей предстоит сделать что-то столь же невероятное, чтобы её исправить.

Урваши замерла и какое-то время отстранённо смотрела куда-то вдаль. Губы её вытянулись в тонкую линию. Потом она вдруг резко опустила плечи и подняла подбородок.

– Хорошо. Дети, подойдите ближе, и я расскажу вам про испытание.

Ару и Мини приблизились

Ветер усиливался и пробирал до костей. Ару поёжилась.

Теперь всё это уже не напоминало весёлые американские горки. С того момента, как она увидела сверкающую сеть, натянутую рядом с богом Индрой, на сердце у неё было тяжело. Чисто теоретически слова «испытание», «квест» звучали увлекательно. Но в реальности от них зависели миллионы жизней.

Может, именно поэтому супергерои носят плащи? Или это вовсе не плащи, а защитные одеяла, как то, что лежит у Ару на кровати в ногах, которое она подтыкает под подбородок, перед тем как заснуть? Возможно, супергерои повязывают себе на шею одеяла, чтобы чувствовать себя хоть немного в безопасности? Ведь правда в том, что спасти мир очень страшно. Да, она готова в этом признаться. (И, замотанная в своё одеялко, она бы справилась гораздо лучше.)

Урваши склонилась с трона.

– Спящий ищет небесное оружие, чтобы освободить бога разрушения. Вам нужно опередить его и, чтобы сделать это, следует добраться до Царства Мёртвых. Там есть Озеро Былого. Загляните в него – и узнаете, как можно победить Спящего раз и навсегда.

– Жуткое царство, спящее оружие, странное озеро, ясно. Что ж, давайте разбираться со всем этим, – согласилась Ару. – Ну и где дверь в это царство? Вход прямо отсюда? Или, может...

– Обычно в Царство Мёртвых попадают после смерти, –

спокойно сказала Урваши.

Ару и Мини бросили друг на друга нервный взгляд.

– Эни, мини, майни, мо, – вспомнила Мини детскую считалочку.

И в тот же момент Ару закричала:

– Дики-дики, дики-дон, кто последний – выйди вон! – И показала пальцем на свою спутницу.

Мини побледнела:

– О нет...

– Дети, – произнесла Урваши и подняла руку, призывая к тишине, – есть один способ открыть дверь в Царство Мёртвых, не умирая. Для этого потребуется три ключа. Но они спрятаны, и их нужно отыскать. Первый ключ – это росток юности, второй – кусочек зрелости, а третий – глоток старости.

Ару уставилась на Урваши.

– Отлично, и как нам пройти отсюда в мастерскую за этими ключами?

Мини засмеялась, но в её смехе четко слышалась паника человека, который думает: «Мы все скоро умрём».

– Эта карта поможет вам, – невозмутимо продолжила объяснять Урваши. – Просто коснитесь символа ключа – и вы перенесётесь куда-то поблизости от него. Но там, на месте, вам предстоит самим догадаться, какой ключ настоящий и где он спрятан.

Урваши оголила руки. Ару только сейчас заметила, что

кожа её, от самых кончиков пальцев до самых локтей, покрыта рисунками. Это были *менди* – изображения, нанесённые хной, специальной растительной краской из растёртых в порошок листьев. Временные татуировки, которые делают себе женщины на время праздников, таких как свадьбы или фестивали. Но такие изображения Ару видела впервые.

Наверное, это потому, что *они двигались*.

На запястье Урваши была изображена ветка, почки на которой распускались, прямо на глазах превращаясь в цветы.

– Росток юности.

На тыльной стороне руки открывалась и закрывалась книга.

– Кусочек зрелости.

Волна за волной накатывала на её пальцы.

– Глоток старости.

Но в середине ладонь оказалась пустой.

– У вас девять дней до новолуния, Пандавы. А может, и того меньше, потому что время здесь бежит по-другому, не так, как в мире смертных, – предостерегла Урваши. – Не дайте Спящему похитить небесное оружие. Посмотрите в Озере Былого, как можно победить его, и тогда Совет в полном составе возьмётся обучить вас искусству Пандавов. – Она замолчала и перекинула волосы через плечо. – И я – тоже. Люди готовы были убивать друг друга, лишь бы увидеть меня. Да они и убивали. – Она улыбнулась. – Кроме того, если справитесь, ваш разжалованный телохранитель сможет вер-

нуться в Совет.

Буу переминался с ноги на ногу на плече Ару.

– Они справятся, я уверен, – проговорил он. – У них же есть *я*, чтобы давать подсказки, а я в этом великолепен.

– *Был*, – отрезала Урваши. Не обращая внимания на Буу, она схватила Ару за руки, и на них тут же появилась карта. Потом женщина дотронулась до Мини. – Вот ваша карта, – сказала она. – Сражайтесь с доблестью.

Впервые за всё время улыбка Урваши потеплела. Но чувствовалось в ней и что-то грустное. Женщина села, подогнув ноги, и положила руки на колени. Она казалась такой яркой и красивой, что было невозможно поверить, будто она участвовала во всех древних событиях. Ару знала, что Урваши не только тренировала героев, но и *любила* их. За одного из них даже вышла замуж и родила от него детей. Но они были смертными, и она пережила их всех.

– Такие молодые, – пробормотала Урваши. – Это совсем неправильно. – И с этими словами она исчезла.

Хануман смотрел куда-то в пространство между Ару и Мини.

– Дочь лорда Индры и дочь Дхармы Раджи? Устрашающе. Перед тем как вы покинете Небесный суд, я должен вам кое-что сказать.

Устрашающе?

Но ведь это хорошо? По крайней мере, Ару на это надеялась. В прошлом году они всей школой проходили тест по

«Дивергенту» на каком-то сайте, и её определили во фракцию «Бесстрашие», так что она, без сомнения, храбрая и мужественная. Так что... ура? К тому же если Хануман – сам Хануман! – считал их устрашающими, наверное, всё не так уж плохо.

Но тут она взглянула на руку с тремя нарисованными символами дурацких ключей (как, скажите на милость, можно вообще сделать глоток старости?), и живот скрутило от страха. Нет, ничего хорошего их не ждёт.

Хануман протянул к ним лапы, и в воздухе над его ладонью зависло маленькое солнце. Оно горело очень ярко, и Ару пожалела, что у неё нет солнцезащитных очков.

– В юности я принял солнце за фрукт. И сколько же у меня было неприятностей из-за этого! – произнёс он, но в его голосе звучало больше гордости за себя, чем сожаления. – Я врезался в светило со всей силы, и из-за этого не произошло запланированного солнечного затмения. Твой отец, Индра, был в такой ярости, что поразил меня своим знаменитым жезлом, извергающим молнии. Он ударил меня по лицу, вот откуда моё имя – Хануман, то есть «сломанная челюсть». – Он потёр подбородок, улыбаясь своему воспоминанию.

– А ещё я подшучивал над священниками. И они прокляли меня, – продолжал рассказывать Хануман. – Это было не какое-то серьёзное проклятие, а специально придуманное для непослушных бессмертных детей.

– Они наказали тебя проклятием? – спросила Мини.

– Просто за то, что ты был ребёнком? – добавила Ару.

Это как-то несправедливо.

– Они сказали, что я забуду о своей силе и могуществе, пока кто-нибудь мне об этом не напомнит, – объяснил Хануман. – Иногда мне кажется, что все мы находимся под этим проклятием, в большей или меньшей степени.

Маленькое солнце, которое он держал, растворилось в воздухе. Обезьяний полубог слегка потрепал девочек по голове и, кивнув напоследок Буу, тоже исчез.

Они остались втроем посреди бескрайнего пустого неба.

– Идем, Пандавы, – велел Буу. – Карта укажет нам, где искать первый ключ. Теперь вы сами должны решать.

Ару дотронулась до цветущего ростка на запястье и почувствовала рывок в животе. Даже дыхание перехватило.

Через мгновение все трое стояли на парковке торгового центра. Где они? На Атланту непохоже. Редкие голые деревца сковал мороз, а на ветках лежал снег. На пустой парковке было всего несколько легковых машин и грузовиков. Продавщица выронила сигарету, заметив их. Но даже если она и была удивлена, что две девочки и голубь материализовались непонятно откуда, то виду не подала.

Ару почувствовала облегчение. Если продавщица двигается, значит, сюда Спящий ещё не добрался и не напал на их след. Пока.

– О нет! – простонала Мини.

– Что случилось? – Ару резко обернулась.

Мини показала на руку. В центре ладони появился сим-

вол: ८

८

– Это количество дней, оставшихся до новолуния, – мрачно пояснил Буу.

– Да? – удивилась Ару, осматривая собственную руку. – Если это девятка, то выглядит как-то странно.

– Это санскрит, – объяснил Буу.

Мини уставилась на руку.

– *Ашита*, – медленно проговорила она. – Цифра «восемь».

Мурашки побежали по руке Ару. Один день уже прошёл!

– Откуда ты это знаешь? – спросила она с завистью.

– Я специально училась считать до десяти на пятнадцати языках! – похвасталась Мини.

– По-моему, пустая трата времени.

Даже Буу кивнул.

Девочка сердито посмотрела на обоих.

– По крайней мере, сейчас это пригодилось. Как бы мы узнали, что нам осталось всего восемь дней, до тех пор пока мир замёрзнет, а время остановится?

Ару выпрямилась. Леденящий ветер развеивал её волосы. Внутри возникло какое-то неприятное чувство, что за ними

наблюдают.

– Буу, что случится, если Спящий найдёт нас раньше, чем мы отыщем оружие? – спросила она.

Буу клевал землю неподалёку.

– А? Ну, он убьёт вас.

Мини захныкала.

«Заметка на будущее, – пронеслось у Ару в голове. – Никогда больше не проходить тесты».

Глава 10

Салон красоты Мадам Бэ

Целых пять минут Мини не могла ничего сказать и только потом пискнула:

– Убьёт... нас?

– Он демон, Мини, – напомнила Ару. – А что он собирается делать, по-твоему? Пригласить тебя на чашечку чая?

Буу заскакал по тротуару, подцепил клювом камешек, взлетел и скинул камень прямо на голову Мини.

– Ай!

– Отлично! Тебе больно? Насладись этой болью, дитя. Только так ты поймёшь, что не умерла, – сказал голубь. – По крайней мере, пока. А ты, – он взглянул на Ару, – поосторожней со своим острым языком.

Девочка закатила глаза. Она просто озвучивала очевидные вещи.

– Разве Спящий не может самостоятельно добраться до Царства Мёртвых? – спросила она. – Зачем ему повсюду таскаться за нами?

Какой-то ленивый этот демон.

– Он не видит того, что видите вы, – ответил Буу.

– Но что, если он скоро на нас нападет? – спросила Мими. – А нам ещё нечем защищаться.

Конечно, это не совсем так. У каждой из них был дар. Ару разжала кулак с золотым мячиком для пинг-понга.

Вряд ли с его помощью можно совершить нечто выдающееся.

Она бросила его на землю. Мяч тут же прыгнул обратно ей в руку. Ару нахмурилась и бросила его подальше. Он снова вернулся. Тогда она швырнула его на другую сторону улицы, и он закатился прямо в сточную канаву.

Но мгновение спустя опять оказался в её руке.

– Ладно, это уже интереснее, но я всё равно не понимаю, как он поможет в борьбе с демоном, – пробормотала Ару.

– Всё равно надо быть благодарной, – проворчал Буу.

– Благодарю тебя, Вселенная, – сказала девочка. – Если

я умру, по крайней мере, меня похоронят с этим мячиком, приклеенным к руке.

– Как это похоронят? – удивилась Мини. – Разве не кремируют? Я так понимаю, обряд зависит от того, хочешь ли ты следовать индуистским практикам...

– Одно другого не лучше, Мини.

– Никогда не знаешь, что тебе пригодится в критический момент, – изрек Буу.

Кажется, он собирался продолжить свою мысль, но тут Мини взвизгнула.

– Вау! – вскрикнула она, глядя на зеркальце в пудренице, которую получила от Дхармы Раджи.

Ару почувствовала зависть: неужели дар Мини реально способен на чудеса? Но тогда почему её «оружие» – нет?

– Что оно показывает? – нетерпеливо спросила Ару.

– Прыщ! – ответила Мини, прижимая нос пальцем.

– Что, и всё?

– Значит, я взрослею!

– Скорее, это значит, что ты плохо умываешься, – передразнила её Ару.

– Ну да, – согласилась Мини. Теперь, когда девочка закрыла зеркальце, она выглядела куда менее радостной.

– Итак, у нас есть зеркальце и светящийся мячик, – подытожила Ару.

– Верно, – подтвердил Буу.

– Чтобы сражаться с демонами.

– Да.

Ну и что хорошего быть полубогом, если это всё, что у них есть? Сверкающее оружие – ещё куда ни шло. А где её боевой конь? Да она чувствовала бы себя гораздо спокойней, будь у неё хотя бы накидка!

– Может, вам и не нужно больше никакого оружия, чтобы отыскать три ключа, – сказал Буу.

– А если мы их найдём? – спросила Мини.

Голубь потряс перьями.

– Если найдёте, я должен буду отвести вас на Ночной базар.

«Ночной базар? Звучит привлекательно», – подумала Ару.

– Если, конечно, мы выживем, добывая первый ключ, – заметила Мини.

Эта мысль казалась менее привлекательной.

Мини оглянулась по сторонам.

– Если это то место, куда нас привела карта Урваши, первый ключ должен быть где-то здесь. Но кому пришла в голову мысль прятать его от Царства Мёртвых в торговом центре?

Они осмотрели парковку. Рядом были забегаловка с готовой китайской едой и прачечная, а ещё «Старбакс» с отвалившимися буквами на вывеске, из-за чего надпись читалась так: «Ста б с».

Ару перевела взгляд на вывеску, которая горела ярче остальных:

Салонкрасоты

У нас вы станете яркими и будете полыхать огнём!

Чем дольше Ару всматривалась в неё, тем отчетливее становилось изображение первого ключа на руке. Мини стояла рядом и перебирала пальцами.

– Твоя карта тоже горит ярче? Может, она работает как самонаводящееся устройство? – предположила Мини, нажимая на «росток юности» на запястье.

– Есть только один способ проверить, – сказала Ару. – Зайти внутрь.

Мини громко сглотнула, но кивнула, и они направились к салону.

Витрина была украшена огоньками. Она походила на хеллоуинский магазин, работающий круглый год: несколько одиноких украшений в виде привидений на окне и подгнившая тыква у входа. Визжащие женские маски свешивались с крыши. Их вытянутые лица и провалы вместо ртов напомнили Ару картину Эдварда Мунка, которую учитель рисования как-то показывал им в классе.

– Это место какое-то *неправильное*, – поморщилась Мини, придвигаясь поближе к Ару. – А запах чувствуешь?

Она чувствовала. Резкий, едкий, как от перегретой резины или жжёных листьев. Ару наморщила нос и прикрыла лицо рукавом.

– Запах такой, как будто что-то сторело, – сказала она. –

Или... *кто-то*.

Мини сложила ладони как окуляры бинокля и прижалась к двери.

– Я ничего не вижу, – прошептала она.

Дверь оказалась зеркальной. Ару стало интересно, двустороннее ли там зеркало, могут ли люди с той стороны видеть их в то время, как они видят только своё отражение. Ару узнала про такие при печальных обстоятельствах. Две недели назад она смотрелась в зеркальную дверь учительской, разглядывая, что же там у неё в носу.

С другой стороны послышалось тихое покашливание, а потом голос учителя произнес:

– Дорогая, у тебя нет козявок, поверь. Мне отсюда прекрасно видно.

Никогда раньше Ару не чувствовала себя так униженно.

Сейчас речь об унижении не шла. Но странный холодок пробегал вверх-вниз по её спине. Воздух хрустел и потрескивал, как поленья в костре. Волосы на затылке встали дыбом.

Из кармана пижамы заструился яркий свет: сверкал мячик для пинг-понга.

На двери было выгравировано:

Мадам Бэ, асура, парикмахер.

Ару было знакомо это имя. Но откуда?

– Буу, когда мы откроем дверь, ты не сможешь вести себя,

ну... как обычно? – спросила она.

– И что это значит? – резко произнес тот.

– Ты должен вести себя как голубь, иначе ты нас выдашь.

– Вы хотите, чтобы я остался *снаружи*?

– Я не буду плотно закрывать дверь, – сказала Мини. Она вытащила из рюкзака кусочек печенья, раскрошила его и бросила на землю. – Давай ешь, птичка!

– Я... НЕ... ЕМ... С... ЗЕМЛИ! – отрывисто произнес Буу.

Горький запах дыма проникал в ноздри Ару.

– Нам всё равно, – прошептала она в ответ. – Оставайся здесь и будь хорошим голубем, пока мы исследуем, что там внутри.

Когда Ару открыла дверь, раздался звон колокольчика.

Девочки скользнули внутрь. Мини оставила дверь приоткрытой, и Ару видела, как один крошечный, как бусинка, голубиный глаз следит за ними через щель.

Комната была выполнена в ярких лазурных тонах. Ару осторожно дотронулась до стены и почувствовала, какая она твёрдая и холодная, как будто сделана из драгоценного камня.

Пол и потолок были выложены зеркальными панелями. Лицом к стенам располагались большие уютные кресла. Но вместо зеркал перед креслами висели портреты, с которых на Ару и Мини смотрели красивые женщины. И они почему-то совсем не выглядели счастливыми.

Они замерли в безмолвном крике, так же как маски на крыше.

Ряд салонных кресел казался бесконечным. Должно быть, там было около семидесяти портретов визжащих женщин.

– Нет, нет, нет, – проговорила Мини. – Всё это очень неправильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.